Татьяна Борщевская

Россия — боль моя

Том 4

Татьяна Борщевская

Россия – боль моя. Том 4

«Издательские решения»

Борщевская Т. А.

Россия – боль моя. Том 4 / Т. А. Борщевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907646-5

Эта книга — не историческое исследование. Это впечатления неравнодушного современника. Книга об исторической российской катастрофе XX века; о революции 1917-го, о сталинском строительстве социализма и его крушении. Несмотря на неисчислимые человеческие, интеллектуальные и материальные потери Россия выжила и сейчас поднимается на очередном историческом пепелище. Нам всем, особенно молодежи, ее лечить и поднимать. Для этого ее надо любить. А чтобы любить, надо знать, знать ее историю и культуру!

ISBN 978-5-44-907646-5

© Борщевская Т. А.
© Издательские решения

Содержание

Кризис культуры 6
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Россия – боль моя
Том 4

Татьяна Александровна Борщевская

На обложке береза в виде креста, которая выросла на месте концентрационного лагеря СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения).

© Татьяна Александровна Борщевская, 2018

ISBN 978-5-4490-7646-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кризис культуры

«…А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен, и в романе
Теперь уж процветает он.»
А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

О русской культуре можно писать бесконечно, о ее взлетах и падениях, о ее богатствах и ее потерях в 20-м веке, но сейчас ее постигло новое бедствие.

После падения большевизма к нам пришла разрушительная, РАЗБОЙНАЯ СВОБОДА, превратившая в руины все, что построил социализм и не добил большевизм, и мы вот уже более 20 лет эту разбойную волюшку пытаемся ввести в рамки закона под свист и улюлюканье либералов и Запада, кричащих о попрании свобод в России.

Культура как категория духовная, может быть, в первый момент большевистского обрушения сохранилась более, чем другие общественные структуры, хотя понесла, в очередной раз, колоссальные потери с очередной, самой большой в 20-м веке волной эмиграции из России. Но то, что устояло, то, что сохранилось, почти с головой затопила гнилая волна западной «свободной» поп-культуры.

Культура – что она есть?

Мне думается, что это воплощение в человеческой деятельности Божественного промысла: это развитие духа на основе Божественных заповедей и Божественной Красоты мира и человека. Культура начиналась с религиозных писаний и книг, с религиозной живописи, со строительства храмов. Все остальное – от Лукавого. Но сила Лукавого велика при данной нам свободе воли. И обходить этот факт Культура не может, не должна. А потому культура – не только гимн красоте мира и духу Божественному в человеке, но и арена борьбы Света и Тьмы, Божественного и Сатанинского. Но если сатанинское начинает в явлении культуры побеждать, если Тьма вытесняет Свет, если попираются заповеди, угнетаются Божественные начала в человеке, – это не культура, не то, что человек назвал культурой. Назовите это неокультурой, поп-культурой, псевдо-культурой, но не относите это к категории Культуры.

Ведь теперь гомосексуалисты требуют освящения их «браков» в храмах (и получают требуемое), возглавляют государства, выступают на телеэкранах и в газетах, пишут поучительные книги. (А еще совсем недавно в президенты не мог баллотироваться человек, когда-либо изменявший своей жене или состоящий во втором браке!) Проститутки получают официальные премии в виде сверхтехнологичных красочных дорогих порнографических изданий, избираются в парламенты. Секс занял прочное место на экранах и в литературе. Секс преподают в школе, ему обучают даже малолетних детей, обучают насильственно, часто вопреки воле родителей – по государственным законам, и это в странах, которые смеют называть себя передовыми (там набивают желудки доброкачественной колбасой, а души наполняют гнилью и зловонием, которые называются «свободой» и «правами человека»). Этот сексуальный психоз Запад привез к нам. Сдерживаемый государством (ведь нет в России «свободы»!), он не дал таких пышных всходов, как на «свободном, демократическом, передовом» Западе, но в молодежной среде пророс, укоренился. Секс, убийство, насилие, кровь – без этого и детям теперь скучно смотреть на экран, а книг они уже почти не читают.

Вся эта Тьма не нова, стара, как мир, как род человеческий. Однако она всегда имела свое место – там, за чертою света, и не посягала на духовные сферы, не загрязняла те источники, из которых черпают знания молодые поколения; санируют, обогащают, спасают души, уже уставшие от жизни, тягот, ошибок и грехов, зрелые поколения.

Для всех существовали, не только в религии, но и в культуре возможности очищения, духовного обогащения, отдохновения, спасения от трудных, часто неправедных вызовов жизни. Сейчас эти источники замутнены. Очистятся ли? Или уже никогда?!

Почему человеку нужно искусство, красота? Почему с древнейших времен он украшает свою посуду, одежду, жилище; почему позднее в прекрасные дворцы, храмы превращал свои молельные дома? Он краски кладет на холст и творит картины, похожие на окружающий мир. Из слов он создает картины художественной литературы и музыку стиха. Он создает музыку – самое непостижимое и высокое из своих творений, самое Божественное.

Зачем это человеку нужно? Почему он не довольствуется вкусной пищей, теплой одеждой и удобным жильем? Чего ему недостает?

Наверное, двойственная суть человека не удовлетворяется только пищей для тела, ему нужна еще пища духовная. Ему нужна красота – как Смысл, как краеугольный камень Божественного мирозданья, ибо человек, как крупица Божья, как искра Божественного огня сущностно связан с духом этого мира, его Красотой и Смыслом.

Биологически человек тысячелетиями практически не меняется. Он бинарен. В его душе испокон веков идет борьба между Богом и Дьяволом, и от результатов этой борьбы расцветают и гибнут цивилизации.

Цивилизованному Западу достаточно было нескольких послевоенных благополучных десятилетий, чтобы скатиться к временам Древнего Рима. Римский плебс за счет колоний получал легкий хлеб, за счет рабов – массовые острые зрелища: рабы строили колизеи и на их аренах щекотали нервы публики кровавыми сценами гладиаторских боев и поединков со львами и тиграми. И еще древние очень любили спорт. Патриции разлагались, купались в роскоши, деньгах и разврате. Искусство поэзии и театра, науки постепенно отмирали, демократия и право подгнивали – все постепенно ухудшалось, вплоть до крушения великой цивилизации.

«Восставшие массы» Запада, эксплуатируя достижения техники и высоких технологий, нетрудно добывают свой хлеб и имеют достаточно денег, чтобы обеспечить себе самые роскошные яркие и острые зрелища, стадионные, сценические, телевизионные и спортивные. И индустрия развлечений соревнуется по темпам и затратам с индустрией вооружений.

Не колизеи, а огромные стадионы, а главное – экраны. И тот же спорт, только более жесткий, стоящий на огромных деньгах, в отличие от бескорыстных, честных игр древних.

Нет гладиаторских боев, но битвами гораздо более жестокими и кровавыми, погонями, изощренными убийствами и способами насилия упиваются, проводя многие часы ежедневно перед экранами своих телевизоров, десятки, сотни миллионов людей, в том числе – дети.

Секс, разврат, так же, как золото, убивал древний мир. Но сегодня он массовый, более изощренный, он вышел на большие экраны, страницы журналов, газет и романов. Он развратил не только детей, но и духовенство. Его тоже питают деньги, алчность, сатанизм.

Все это вместе называется поп-культурой. Она насыщена деньгами, оттого она агрессивна, масштабна. Она разрушает, разъедает классическую культуру во всех ее видах, постепенно подбираясь к самым высоким ее сферам. Это явление всеобъемлющее, всеохватывающее.

Сегодня культура бессильна перед «золотым тельцом» – основным оружием Дьявола. Она сама в его лапах, и она очень часто служит ему: уродству, растлению, низведению высокого к примитивному, низменному. И интеллигенция, носитель культуры, ее действующая армия, перестает быть интеллигенцией, прогибаясь под давлением «золотого тельца». Идейный гнет ее закалял – это была борьба в сфере духа; «золотой телец» ее разлагает – это борьба в низменном и за низменное. (Вспоминается старый чешский фильм «Сотворение мира». Там Бог творил, а Дьявол ему «помогал»: Бог сотворил Человека, а Дьявол прилепил ему аппендикс;

Бог сотворил розу, а Дьявол вооружил ее шипами… Самый ядовитый придуманный Дьяволом шип, на который напоролось человечество, – это ДЕНЬГИ!).

Есть красивые громкие слова: «Человек – подобие Божие». В действительности же все мы муравьи, суетящиеся на огромной муравьиной куче, где каждый муравей тянет свою соломинку, прогибаясь под ней и не видя ничего, кроме узкой тропки, по которой он должен принести свою соломинку к цели. И есть очень немногие избранники Бога, которые силой своего таланта и воли могут подняться над муравьиной судьбой, получить более широкий обзор и выбрать себе достойную дорогу. Они несут не соломину – они несут груз таланта, великих трудов и нередко особо тяжелых ударов судьбы. Но они несут Свет, и искры этого света падают на узкие муравьиные тропы, озаряя их. Это тропы счастливцев, ибо этот свет поднимает их над серой муравьиной судьбой, одухотворяет, приближает к замыслу Божию! Свет этот – Культура в самом широком и высоком смысле этого слова!

Культура всегда – продукт своего времени. Она его отражает, она его формирует.

В наш век скрестили свои шпаги 2 процесса, взаимопитающие друг друга и друг другу противостоящие: технический прогресс и культура.

Технический прогресс взаимосвязан, сцеплен с явлением, которое философия 20-го века назвала «восстанием масс». Это втягивание в процесс производства, развитие общества огромного количества высококвалифицированных ремесленников, хорошо оплачиваемых и имеющих досуг. Они имеют деньги, благоустроенный быт и отдыхать они хотят «красиво». Это не элита: им не нужны симфонии, ариозо и па-де-де. Им нужны острые ощущения.

Бизнес оснастил доступную культуру ярмарок, народных праздников, дворовых представлений техникой, красками и блеском стадионов и театральных сцен. Непритязательный вкус и неразвитая душа не погружается в глубины и не поднимается к высотам – она ищет остроты ощущений и впечатлений. Отсюда такое специфическое и бурное развитие поп-культуры, которая есть непрерывная погоня за «острыми блюдами»: непрерывная схватка со скукой привычки и приеданием.

Культура прогибается под давлением цивилизации. Культуру человечество создавало в течение веков и тысячелетий в лоне Церкви и Божественных заповедей. Её творили таланты и гении, одухотворенные Красотой и Совершенством Божественного промысла. Творили, движимые Любовью и восторгом, а не корысти ради. Цивилизацию создают не гении, не одиночки, а высокотехнологичный коллективный разум и великое множество квалифицированных рабочих рук. Цивилизацию творит «свободный» человек – свободный от Бога и нравственных оков. И двигатель этого неудержимо развивающегося, ускоряющегося процесса – ДЕНЬГИ, алчность, ненависть, вражда. Цивилизация – это не результат развития чедовеческого Духа, Культуры – это результат гонки вооружений, от которой гражданскому обществу, как «крохи с барского стола» перепадают бытовые технические удобства и излишества. Деньги, удобства и излишества разлагают «свободного» человека. (Там, где нет Бога, правит Сатана).

Острые ощущения нужны многим, но одних они гонят покорять океаны, полюсы Земли, гоняться за торнадо, спускаться в жерло вулканов, покорять неприступные горы, а других – принимать наркотики, искать извращений секса, балдеть или драться на стадионах, извращенно убивать, насиловать детей.

СМИ обо всем нас информируют. Всё известно, всё доступно: бери – не хочу…

Но балдеть легче, чем покорять океаны. И индустрия развлечений кочегарит во-всю, но, к сожалению, дымит, коптит, отравляет атмосферу.

И низкие зарплаты у интеллектуалов и высокие у спортсменов, шоумэнов, у обслуги развлекухи и отдыха и т. п. – это тоже результат «восстания масс», засилья поп-культуры и «денежных мешков».

В этой массовой погоне крутятся огромные деньги, она захватывает и главные сцены мира, традиционно столетия принадлежащие классической культуре, она подавляет, попирает классику, приводит к ее атрофии и размыванию.

Сегодня, вероятнее всего, и западная интеллектуальная элита не захочет смотреть великих мастеров сцены, если представление не украшено яркими красками, дорогими костюмами или не сдобрено «острыми приправами».

Толпа древней цивилизации жаждала крови и мужества, толпа цивилизации современной жаждет ощущений более изощренных: той же крови и мужества, н еще секса и блеска. – Есть ли прогресс у толпы? – Вряд ли. Есть прогресс технический и, похоже, регресс нравственный…

Сейчас многие режиссеры театров, профессора театральных училищ, кинорежиссеры, писатели, художники, деятели искусств, особенно молодые, стремятся соответствовать «мировым стандартам», не отставать, т.е. подавать все под «острым соусом», в новой упаковке, в новых формах – шокировать зрителя, пугать, удивлять поверхностными эффектами, иногда весьма дурно пахнущими. Такова новая эпоха.

Но немолодые деятели культуры должны передать новому поколению память о прошлом, чтобы не порвалась связь времен, чтобы не были они «иванами, родства не помнящими».

(Господь, сотворяя землю, одарил ее невообразимой Красотою: красками небес, одухотворяющими своим многоцветьем все воды земли; неоглядностью океанов и морей, зеленою сказкой лесов и полей, могуществом гор; узорной фантазией цвета и формы бабочек и цветов; бесконечным разнообразием всего живого в водах и на суше; и, наконец, красотою венца Своего творения – человека. В основе бесконечной красоты Его творений лежит Гармония. Человек дарованное ему богоподобие реализовывал в постижениях и творчестве. И немало преуспел в этом. Он создал в своем мире, подражая Богу, великие произведения искусства, прекрасные, достойные своего богоподобия. Но он «устал» – устал подражать Богу. Он пустился в анализ, а потом в разрушение. Он вступил в спор, в борьбу с Богом. А в такой борьбе правит Сатана. И человек попрал Гармонию, разрушил прекрасное; взрыл, вывернул то, что Бог упрятал, укрыл; выволок на свет и обозрение интим, – уродуя материальное, замарал, отравил, обесценил духовное. Это мир Сатаны. Рано или поздно, если человек не опомнится, его накроет очередной потоп, разрушит комета или ядерная война. И Бог начнет всё сначала…)

Мы пережили великую историческую трагедию. Такого опыта, как у нас, не имеет ни один народ в мире. Мы должны его осмыслить, мы должны стать чище и мудрее. Мы не можем выбросить этот опыт из своей культуры, механически вбирая в себя чужую, вместе с пылью и пеной. Это не значит прославлять большевизм – наоборот, надо показать, как человек хрупок и как он стоек, как выжигается земля и как сквозь спекшиеся глыбы прорастает жизнь.

Когда-то, когда революционная волна смыла почти всю русскую культуру за рубеж, она оплодотворила, вдохнула новые силы в западную культуру. Сегодня западная культура отнюдь не в лучшей своей форме, и механически, без мысли и чувства переносить ее на русскую почву нелепо, а может быть, преступно, особенно в такие трудные наши времена. Наоборот, у русской культуры есть глубинный потенциал, чтоб подняться над сегодняшней разрухой и разбоем (надо надеяться, эти времена пройдут: не первая Смута в России), стать во весь рост, и тогда, возможно, и Запад найдет, что позаимствовать у России.

Эта задача очень трудна – «большое видится на расстояньи». Может быть, еще время не пришло осмысливать. Но если старшее поколение ничего не оставит молодежи, не оставит нитей для распутывания этого клубка, молодым с этим потом не справиться.

Раньше искусство занималось поиском прекрасного, сейчас – анализом, (а иногда не анализом, а смакованием!) уродливого, изнанки жизни. Не удивительно. Уродливого слишком много – оно бьет в нос.

История 20-го века, уже просвещенного, не нищего, страшнее веков дикости и тьмы. «Восставшие» сытые «массы» не требуют хлеба, а в зрелищах хотят, «остренького», «сладень-

кого», «смрадненького». СМИ старательно и угодливо питают их требуемым (за это хорошо платят!) Мир заливает информационная похабщина: сплетни, стирка «грязного белья», чернуха, распри, кровь, разврат.

Неприличное и осуждаемое в прошлом подглядывание в замочную скважину обернулось в наше время модной, «горячей» темой: бесчисленное множество статей, сообщений, фотографий не только на страницах «желтой прессы», но и в престижных, лакированных красочных изданиях, на телеэкранах – сообщений самых интимных и скандальных подробностей из жизни поп-звезд, актеров, политиков, и чем значительнее «звезда», тем аппетитнее подробности, тем больше визга и денег. Раньше об этом шушукались торговки и соседки, а теперь СМИ трубят на весь мир. Анекдот «Верх смущения»: встреча двух взглядов в замочной скважине – потерял остроту… Позор стал прибыльным бизнесом. А стыд стал уходить из жизни.

Толпа всегда живет острыми ощущениями: бои гладиаторов, четвертование, колесование или поп-модели – лишь бы щекотало нервы, било в нос или ниже…

Каждая эпоха рождает свои зрелища, но толпа живет вне времени, вне смены эпох. Во все времена и эпохи она ищет «остренького», и каждая эпоха преподносит ей свое «фирменное блюдо»…

Мир вещей, общество потребления, эпоха перепроизводства порождают специфические ценности. В последние полстолетия «восставший» мир ошалел от изобилия еды и тряпья, обезумел в погоне за новыми марками автомобилей и телевизоров, компьютеров и мобильных телефонов. Человек духовно бедный легко развращается избытком материальных благ. А мода засасывает в это сопло всех, неслучайных и случайных. Цивилизация – это власть материального над духовным. Холить и лелеять тело – куда важнее, чем развивать душу. (Я знаю немало случаев, когда люди едут отдыхать в чужую страну, и все время проводят на пляжах, не интересуясь историей этой страны, ее всемирно известными памятниками, до которых от пляжей нередко рукой подать…)

Платье для венчанья стоимостью в 6 миллионов долларов (Италия, 1998) собрало тысячи зевак у церкви, где венчалась пара, ставшая сразу знаменитой. Профессия манекенщицы – самая дорого оплачиваемая и престижная. Модель – более значима, чем актриса (если последняя не поп-звезда или секс-бомба).

В таких условиях становится противоестественным показывать красивые сюжеты, высокие чувства. Может быть, больше хочется понять, откуда эта грязь, что она есть, что так влечет к ней. Но одни пытаются понять, другие просто смакуют и преподносят зрителям сомнительные «блюда». И высокие трагедии прошлых веков, оперы, балеты, классические драматические и литературные произведения переделываются на новый манер, преподносятся часто нарочито уродливо или просто грязно, как бы вскрывая изнанку той красоты, которой мы когда-то поклонялись.

Настоящее произведение искусства – бездонно, как все в этом мире. Поэтому дирижеры, режиссеры, актеры разных эпох черпают из этой бездонности в разные века и эпохи разные прочтения, которые изумляют, раздражают, поражают, восхищают. Поэтому настоящее искусство становится классикой, т.е. бессмертным.

Но сегодня не черпают – перевирают, искажают – кощунственно, грязно, пошло. Это не черпать из святого источника, а плевать в него.

Настоящее искусство бездонно, вечно, ибо его творят гении. А гений творит не один – ему помогает Бог!

(Не удивительно ли, что в течение нескольких десятилетий сверхсытые, переевшие мещанские «восставшие массы» обрушили величайшие ценности Культуры, которые аристократы человеческого духа создавали в течение веков и тысячелетий. – В начале 20-го века мир рушили голодные «массы», в конце его – «массы» сверхсытые. Похоже, «массы» как направляющая созидательная сила (и «диктатура пролетариата», и «демократия») – не решают проблем

совершенствования мира… Нет в этом мире совершенства, но есть вектор. Его должны чувствовать «верхи» – интеллектуальная, культурная элита, духовная аристократия и направлять, подтягивать «низы» – те самые «массы» …)

Да, нельзя отрицать, что искусство отражает уродства нашего времени. В том, что происходит сейчас в искусстве, есть не просто развал культуры, но и чувство времени, уродство и развал как продолжение и отражение того, что происходит в обществе и в мире.

Советские тюрьмы, ГУЛАГ создали свой язык, потому что нормы жизни там не описывались в терминах здорового прекрасного русского языка.

И музыка Шостаковича – это не музыка Бетховена, тем более, не Моцарта. В ней мало победных маршей и красоты, больше руин и боли. Она описывает свой век и описывает его гениально. Она написана в 20-м веке и о 20-м веке. (Хотя после его Первой симфонии его называли Моцартом 20-го века…)

Но, к сожалению, конец 20-го века – начало 21-го – не дают гениальных поэтов, писателей, драматургов, как и художников, – вся творческая энергия уходит в ракеты и дизайн автомобилей.

А режиссеры рвутся в бой, они хотят быть современными, а где ж она, современность? Можно это явление понять и даже, с некоторыми оговорками, принять. Но они берут и курочат, уродуют классику, кощунственно и грязно: Пушкина, Чехова, Шекспира.

На телевидении (февраль 2003 года) идет «Гамлет» в новой постановке. По костюмам, декорациям и манерам все герои похожи на бомжей. И великий текст не спасает (наоборот!), когда на сцене кривляются и кощунствуют. А вот недавно услышала (на ТВ) новый звучный (такой модный, современно-технологичный, да еще и политизированный!) термин: «Шекспир – перезагрузка» (март, 2012). В политике «перезагрузки» не случилось, а с Шекспиром – весьма успешно…

Эти режиссеры сохраняют какую-то сюжетную нить, или ее ветвь (зачем?!), меняя характеры героев, их манеры, язык, костюмы – уродуют всё. Казалось бы – не проще ли создать что-либо, столь же грязное, но современное, своё?! – Но, нет, не даются нынешним творцам от искусства ни тексты, ни даже сюжеты… (Правда, известный чешский драматург пишет современную пьесу (кажется, политическую), в которой действие происходит в общественном туалете. (Впрочем, для политической пьесы это, возможно, наиболее подходящее место…)

Но те, кто кощунствует, кто ставит свои психопатологические сюжеты, должны помнить, что история никогда не кормила человечество сладеньким. Она была жестока, кровава, сложна, но сквозь все катастрофы, сквозь крушения цивилизаций человечество несло любовь к красоте, к прекрасному и превыше всего ценило два сцепленных явления: Любовь и Творчество – то, что мы получили от Бога, то, что делает нас людьми; то, что созидает; то, что противостоит Злу.

Каждое поколение, не заглядывая в глубины истории, считает свое время особенным, новым, последним словом истории.

Особенность, стержень нового времени – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА! Без обязанностей, без ограничений, без здравого смысла. Для молодежи это – нет Бога, нет родителей, запретам – НЕТ! (Это западные «открытия» и ценности, но они накрывают и нас своей гнилостной волной). Вседозволенность разъедает все стороны человеческого бытия, и не добродетель, не таланты, а пороки все более и более правят миром. Таланты ушли: нет великих произведений ни в литературе, ни в живописи, ни в музыке. Успехи есть в военных науках, в технологиях, где процессы катализируют деньги. От человечества дурно пахнет распадом: всеми видами сексуальных извращений; невиданной алчностью сверхсытого общества и небывалым разрывом между богатством и бедностью; кровью разрушительных преступных войн, террористических актов; бесстыдной непрекрытой ложью, предательстом высоких политиков; ядовитой отравой продажных СМИ.

Да, не было в прежние века холодильников и спутников, ТВ и атомных бомб, но истинные двигатели истории были те же: алчность, зависть, тщеславие и жестокость. Были беспощадные войны. Рвалась не раз нить исторического процесса: терялся в песках Египет, рушился Рим; быть может, тонула Атлантида. Не танками и артиллерией, но копытами своей конницы стирал Аттила с лица земли целые страны. Но человечество через кровавые войны и пожарища, через огромные невосполнимые потери старалось нести и несло свою любовь к прекрасному и свою веру в него – несло через века, и это становилось классикой.

И наш страшный век, проливший крови, быть может, больше, чем все века предыдущие, дал нам столько примеров высочайших взлетов человеческого духа, героизма, стойкости, патриотизма, верности любви и долгу, творчества, самозабвения – об этом еще так мало написано…

Мое «совковое» поколение, пионерия 40-х, росло на героях войн и революций с романтическим ореолом идейных борцов или патриотов и на героях классики. Сегодня герои грабят банки и «рубят бабло», а другие герои их ловят… В этих условиях мельчает актер, мельчает Личность: ценность личности не в духе, а в мошне…

Сегодня нам грозят не копыта атилловой конницы, а атомная бомба, чума, нервнопаралитические яды, и мн. др., что нам, быть может, и не снилось.

И если сегодня наше искусство, наша Культура, призванные возвышать, питать, обогащать, лечить наши души, воспитывать новые поколения, будут только ковыряться в подкорке и ниже, человечеству в мире, нафаршированном средствами уничтожения жизни на земле, не удержаться от падения в пропасть.

Сегодня и литература, и даже музыка сдают свои высоты. Юные поколения сейчас чужды романтики, мечты. Они трезвы, расчетливы. У них есть желания (не мечты) – они знают: для их исполнения надо делать деньги, любыми путями. Во взаимоотношениях полов никакого трепета, никакой тайны – они все знают не понаслышке. Они и родителям могут дать много очков вперед: их обучают в школе «безопасному сексу». Это «кнопочное» образование без литературы, искусство без красоты, без сопереживания, без чувства, культура в рамках Интернета – всё без… без… без создали поколение весьма самоуверенных поверхностных людей. Они торопятся. Они бегут. За успехом – за деньгами…

Если отнять у науки тайну, остановится процесс познания. Если отнять тайну у любви, остановится искусство. Это все равно, что отнять у мира бесконечность – его суть… Все ограничить рамками примитивной и лживой пошлости.

В этих условиях компьютер, компьютерные игры заменят книгу; Интернет, в котором от серьезной информации легко скатиться к аннотациям, рефератам, анекдотам, отдельным картинам из отдельных галерей, – заменят библиотеки, музеи, театры. Какая уж тут поэзия, музыка?! И тогда наш технический прогресс, который мог бы служить нашему духовному развитию, станет его тормозом, и, быть может, компьютеры станут не менее страшны, чем ядерное оружие. А мир современный нафарширован и тем, и другим.

И, может быть, было бы не так обидно, ибо было бы естественно, если бы эта поп-культура, эта пошлость и грязь вызрели внутри нашего общества (больного), в недрах нашей культуры. Но нет. Даже наше больное, бедствующее многие десятилетия общество ничего подобного не породило. Эта тухлая волна пришла с благополучного, сытого, раскрашенного в яркие краски, компьютеризированного, казалось, «благоухающего» Запада.

Россия в течение нескольких веков впитывала в себя европейскую культуру; она врастала в культуру российскую, которая вызревала в культуру иного, не европейского – русского духа. (Но несколько десятилетий европейского сытого мещанского всеобщего благоденствия подрубили культуру тысячелетий).

Российский социализм загнивал и рушился уродливо и явно. Запад гниет глубинно, тайно и, возможно, значительно более опасно.

«Шпенглер увидел рождение чудовища планетарной техники из лона культуры Европы 17 – 18 – 19-го веков. Увидел, ужаснулся и честно написал об этом.»

«Итак, западноевропейская культура стала современной рациональной цивилизацией; цивилизация породила чудовищного «обитателя планеты, который развивается по своим законам, да еще приспосабливает к своим нуждам взрывообразно множащееся человечество. И уже современные «дети Земли» заговаривают о «постчеловеческом» мире информационно-компьютерном».

«Различение культуры и цивилизации Бердяев отнес к самым большим достоинствам книги „Закат Европы“, соглашаясь, что философия и искусство существуют лишь в культуре, а в цивилизации они невозможны и ненужны. Культура органична, цивилизация механистична, культура опирается на неравенство людей, на их качество как творческих личностей. Цивилизация проникнута стремлением к равенству, она апеллирует к количеству. Культура аристократична, цивилизация демократична… Все русские религиозные мыслители… испытывали ужас от сознания близкой гибели культуры и скорого торжества цивилизации, которую отождествляли с мещанством.»

«Пересмотр ценностей с переходом к цивилизации означает перемену точки зрения на мир „с орлиной“ (Шпенглер) на „лягушачью“ (Ницше), падение с высоты видения мира Эсхилом, Платоном. Данте, Гёте на „кочку зрения“ (Горький) обыкновенного потребителя, представителя структур повседневности (Фернан Бродель).» [374].

(Элитарная культура, искусство не принадлежали только высшим кругам общества, интеллигенции как категории кастовые. Культура – это было то, к чему интеллектуальная элита привлекала, чему обучала народ – всех его представителей, кто к этим вершинам стремился. Это было то, что преподавали в гимназиях и школах; то, что было на общедоступных сценах, в музеях и библиотеках. И народ понимал, что это ценности общечеловеческие, к которым надо приобщаться и приобщать своих детей. Это была возможность поумнеть для всех, кто этого хотел).

Шпенглер считает гибель культуры неизбежной, а сопротивление этому бессмысленным.

К счастью, не все философы, историки, деятели культуры разделяют точку зрения Шпенглера: «Закат культуры не может быть принят подлинными носителями и наследниками этой культуры как ее гибель, ибо признать это выше сил живого существа». [375].

Тем не менее, то. что мы наблюдаем сегодня, вызывает, если не пессимизм и отчаяние, то глубокую тревогу. Цивилизация – это не технический прогресс. Это демократизация и активизация масс и подавление их активностью и массой, их деньгами аристократии духа, культуры; торжество пошлости, поп-культуры, низменных вкусов и упрощенной морали и, в конечном итоге, загнивание общества в мещанстве, алчности и извращениях.

Разгадали ли психологи и психопатологи благословенного Запада, почему сытое общество от зеленых лужаек, богатых домов, изысканных обедов тянет в грязь сексуальных извращений, наркотического угара, к острым ощущениям коллективных оргий, «садистских» находок и рекордов, к фильмам ужасов?

Россия в начале 20-го века переживала невиданный духовный подъем. Это было бурное развитие культуры, науки, искусства. Революция смела культуру «эксплуататорского общества» вместе с ее деятелями и их творениями. Ей на смену пришла новая «пролетарская» культура, замешанная на большевистской идеологии и оформленная в социалистический реализм. И несмотря на всю ее ущербность и уродства, ее корни были в классической русской культуре. Это не была поп-культура. Это была урезанная и несколько извращенная элитарная культура.

В России советской не было поп-культуры: не было социальной базы, на которой она могла бы привиться. В России большевистской не существовало благополучных сытых масс, которые имели бы свободное время и на отдыхе желали бы, чтобы им пощекотали брюшко.

Они были заняты беспросветной борьбой за хлеб свой насущный, которая называлась строительством светлого будущего человечества. Их отдых – водка и забытье.

В большевистской России искусство стало еще менее доступно народу, чем в России царской. Об этом говорят приведенные выше цифры. Спасал технический прогресс: «разумное доброе, вечное» в массы несли радио, кино и телевидение.

А сегодня на нас обрушилась западная поп-культура, примитивная «культура» сытых мещанских масс. Это не культура, даже не поп-культура – это часто просто мусор, массовый рынок развлечений разного пошиба.

Там, на Западе, она развивалась бурно в течение полувека, Растущее благосостояние, технический послевоенный прогресс, «восстание масс» переросло в перепроизводство, переедание, сверхсытость, сверхпотребление. Западное мещанство утвердилось как опора этого благополучия. Демократия и «права человека» обернулись вседозволенностью и развратом, всевластье денег – алчностью.

(Появился такой специфический термин: «шоппинг». Это не целевой поход за покупками (это всегда приятно) – это наслаждение ароматом товаров, праздник приобретения – обогащения, даже мелкого.

В вещизме так же мало ценного, как в нищете. Это два полюса материальной жизни человека, которая в сути своей не содержит понятия счастья. Материальное дает минутное удовлетворение и возбуждает новую погоню за новым призраком мгновенно ускользающего счастья.

Моральные устои стали атавизмом. Низменное набирало обороты, утверждалось, теснило, разъедало возвышенное. Поп-культура наступала, давила, размывала классическую элитарную культуру.

На нас поп-культура обрушилась пеной своего девятого вала. Невезучая страна Россия подверглась этому разлагающему воздействию в тот момент, когда наше общество забурлило и вспенилось само накопившейся грязью и гнилью, когда лживые идеалы отвергнуты, фальшивые «иконы» сброшены, когда нас захлестнула чернуха позорной жизни нескольких поколений, когда внутри нас нет ничего, кроме руин, особенно в беззащитных наших детях, родившихся на обломках нашей жизни, отравленных ядом ненависти, безверия и цинизма. «Пена» поп-культуры – самая низменная ее часть, которая, по дешевке, к нам доходит, – пища, которую они легко усваивают, на которую они жадно набрасываются в пустоте своего существования. Высокое искусство требует развитой души, подготовленной почвы для духовной работы. У них этого нет. Это очередная наша трагедия, ибо сейчас, быть может, более, чем когда бы тони было нам нужно молодое поколение, способное расчищать завалы большевизма и строить, созидать новое, наконец, «разумное, доброе, вечное». Но… 3 изувеченных поколения – для возрождения потребуется не меньше.

Сейчас нам почти нечего противопоставить агрессивной поп-культуре. Наша культура «прогнулась» под копытом «золотого тельца». Пока – много потуг, выспренности, изощрений, «новаций», но мало таланта, истинной высоты и глубины, необходимых искусству.

20-й век показал, что любая, даже самая красивая идея, доведенная до абсолюта, ведет к ее извращению, превращению ее в абсурд и преступление. Так было с фашизмом, большевизмом. Сейчас мы имеем дело с европейской демократией и Правами человека. Всепронизывающая демократия, Права человека обернулись вседозволенностью; замешанные на крутом западном индивидуализме, мещанстве и всевластьи денег они привели к гниению весьма благополучного западного общества.

Когда Наталью Бехтереву, Академика, Директора Института Мозга (ныне покойную) несколько лет назад спросили, что она считает наиболее значимым явлением в жизни современного общества, она сказала: «Сексуальную революцию». Стоило бы прислушаться к этим словам.

Запад так увлекся «правами человека» («Свобода Личности», «Права человека» стали визитной карточкой второй половины 20-го века!), что не заметил, как преступил черту, за которой Тьма и Содом. Есть ли равные права в человеческой жизни у Света и Тьмы, Божественного и сатанинского?! Свобода вне нравственного поля – это Тьма и Содом. Если человек вершина мирозданья, если в мире нет Абсолюта, нет Высшего Суда, то нет и черты, которую человек не должен преступить.

Человеческий закон говорит: не мешай другому. А как определить, мешает или нет и в какой мере мешают на экранах ТВ или Интернета кровавые сцены насилия, «игры» голубых и розовых, феерические половые акты и т.п., особенно, когда это видят детские глаза? Сколько изломанных судеб, умопомрачений, самоубийств, наркоманий, детей-сирот, сколько надругательств над тем, сто должно быть свято? Само понятие святости исчезает в мире вседозволенности. Счастлив ли человек в мире, где все – напоказ, где нет интима, нет тайны, нет глубины, где все плоско, схематично, энергично?

Мы уже хорошо знаем разрушительную силу социальных революций. Но губительную силу сексуальной революции мы еще не оценили, мы еще пребываем в преступном благолепном спокойствии.

Откуда она пришла? Что ее породило? Обычно революции порождают беды, нищета, голод. Эту революцию породило переедание и абсолют «Прав человека» в гордом демократическом обществе! (Утописты-романтики 19-го столетия считали, что человек сытый, одетый, не имеющий материальных проблем, будет светел душой, благостен и созидателен. 20-й век показал, что сытый человек, особенно сверхсытый, страшнее голодного).

Господь создал единое из двух противоположных половин. Эти две половины связаны любовью-ненавистью, враждою-дружбою, миром-войною. Из энергии вечного напряжения, страстного кипения в отношениях этих половин рождается новая жизнь в бесконечном множестве вариантов от тех звездных мгновений, когда они становятся единым. В этом суть, содержание и красота земной жизни человека.

Секс никогда не уходил из жизни человеческой и не терял своего значения, иначе род человеческий прекратил бы свое существование. Но общественное отношение к сексу менялось в разные времена чрезвычайно. Эта тема бурлила вечно, как котел, выбрасывая миазмы диаметрально противоположного действия. Не уходя в глубины древности, где и свободно блудили, и побивали блудниц камнями, обратимся к более близким временам. В Индии, где существует храм, воспевающий секс и блуд любых, самых невероятных форм, теперь штрафуют за поцелуй на улице. К храму ведут лишь туристические тропы. А сегодня на центральной площади столицы одной из благополучных северных стран, как Вандомская колонна, как Александрийский столп, торчит половой член.

Да, в Индии в те времена блуд приводил к необходимому тогда деторождению. А что сегодня нужно северной стране – увеличить деторождение? Возможно. Но это не сработает: слишком много противозачаточных средств. Это только пробуждает похоть… Тем более, что новые технологии предлагают, а «продвинутые» деятели новых времен заявляют во всеуслышание, что любовь, связь двух половин не нужна; она заменяется свободным сексом «голубых», «розовых», разноцветных, а новые человеческие особи при новейших технологиях при необходимости могут зарождаться в пробирках от простого слияния разнополых клеток. Это оскорбление природы, насмешка над Создателем…

В мире, где бесчисленными методами, средствами, изысками, химией и хирургией холят и лелеют тело, (не заботясь о душе), секс – как пик телесных ощущений, не может удовлетвориться тем, что ему отведено природой. Он ищет: изощряются в играх однополых; совокупляются с собственными детьми, с животными, насилуют маленьких детей. Разве это не дорога к концу Света?! Разве человечество без Любви и Красоты, без нравственных критериев, без Бога, не подписывает себе смертный приговор, живя на планете, нафаршированной оружием?!

Оно может десятки раз уничтожить уникальное явление во Вселенной, дивную, прекрасную планету Земля, дарованную Богом недостойному человечеству. И человечество уверенно и бодро шагает к Концу…

Большевики интенсивно старались разрушить любовь и семью. Институт брака отменялся. Женщины становились общественным достоянием (как и дети). Доступ к ним обеспечивался партийными и профсоюзными билетами, квотировался по числу встреч и времени общения (это была обычно местная самодеятельность, развивающая общую партийную установку); отменялись стыд, буржуазная мораль и мн. др.. Кончилось противоположностью: измена жене строго каралась по партийной линии. Развод разрушал профессиональную деятельность, ломал карьеру.

В кинофильмах, не только наших, допускался только один поцелуй, весьма непродолжительный.

В свободном сытом западном обществе огромные массы людей, освобожденные от тяжелых забот о хлебе насущном, отнимающих все силы и время, получившие доступ к «сладостям» мира сего, сделали главной ценностью жизни здоровье тела и телесные наслаждения. Сытый благополучный человек приобрел определенный облик: великолепный цвет лица, здоровая кожа, шелковистые волосы, белоснежные зубы, прекрасные фигуры; стройные длинноногие женщины, широкоплечие мужчины. И все бы прекрасно, если бы эти внешние красоты не обнаруживали, как правило, удивительную внутреннюю пустоту и примитивизм. Иначе и быть не могло: слишком быстро произошел скачок от трудностей, кризисов и войн к обществу потребления. Естественно, что искусство для этих пробудившихся и жаждущих утех масс должно было спуститься с высот аристократических гостиных и классических сцен до уровня стадионов и арен: спорт, шоу разных масштабов и видов, мюзиклы как вершина поп-культуры; технические изыски, костюмы, краски – блеск, треск, не чувства, а ощущения, возбуждение, балдеж. А секс – вершина ощущений, подстегиваемых наркотиками на пике «сладостей» жизни и балдежа. Секс стал просто острой приправой к веселому времяпрепровождению, приятному ужину, к неожиданному знакомству. Но самое страшное – он стал детской забавой. На смену высоким и острым романтическим чувствам пришли острые ощущения. «Свято место» пусто не бывает: человек не может жить пресно, человеку всегда нужно что-то будоражащее, зовущее. Весь вопрос в том, что этот зов порождает: духовные запросы или физиологические. Теперь, в век «восстания масс», духовно не развитых, имеющих возможность желать и платить, это стало угрожать стабилизации мира через разрушение культуры.

Теряя высокие чувства, оставляя лишь ощущения – радости тела, человек может утратить Божественный дар Творчества. Развивая интеллект, не развивая чувства, человек, возможно, будет способен творить роботов, клонировать клетки, но в творчестве своем он сам будет подобен роботу. Музыка, поэзия, иррациональное в искусстве и творчестве, метафизическое будет ему недоступно. А не питаемый чувствами, интеллект постепенно, но неизбежно начнет отмирать.

Рэй Бредбери в своем фантастическом романе «451 градус по Фаренгейту» описал, что грозит человеку, который отказался от книги, а Кестель в «Колыбели для кошки» хотел показать, что весь мир и человечество превратятся в ледяную пустыню, если оно утратит чувство, добродетель, нравственность. Таких пророчеств было много, но человек семимильными шагами идет вперед в области познания: он углубляется в Космос, он научился выращивать человеческий зародыш в пробирке; выращивать не клетки, а клонировать живые существа; уничтожать человечество не только с помощью газов, эпидемий, ядерных или нейтронных бомб, но зомбировать целые народы, превращая Homo Sapiens в стало идиотов или послушных роботов. И, наверное, не случайно природа предупреждает нас глобальным потеплением, страшными катастрофами, частота и разрушительность которых из десятилетия в десятилетие, из года в год угрожающе растут. Человечество не останавливается в научном поиске и творче-

стве. Это мотор цивилизации. Но оно одновременно уходит от нравственных основ, вне которых это путь к гибели.

В древности жрецы прятали открытия: порох, бумагу, колесо. Но открытия нашего времени можно доверить только высоконравственному, духовно развитому человеку – человеку, не ушедшему от Бога, от Его заповедей. А это требует самого глубокого серьезного воспитания человека в духе религии и высокого искусства и культуры.

В нашу страну, на нашу социалистическую «стерильность» хлынула мощным потоком западная сексуальная зараза через СМИ в самых низкопробных формах, которые и на Западе уже отфильтровываются и запрещаются. Ежедневно в каждый дом входит эта мерзость разнузданного секса, сексуальных извращений, сексуальной развлекухи и наркомании, вовлекая в это миллионы людей, а более всего молодежь и, что страшнее всего, – детей. И зло разрастается, как плесень.

И раньше люди любили, женились, рожали детей, умирали от любви, от любовной горячки, чахотки, сходили с ума. Но они не выносили свою жизнь напоказ. Было понятие «интим». (»«Интим» – сокровенный, самый глубокий, внутренний, глубоко личный», – так пишет Словарь Ожегова.) Не было реклам, зазывал. «просветителей», развратителей с миллионными аудиториями.

Раньше выдавали в крестьянских семьях (и не в крестьянских) замуж девочек 11 – 12 лет. И вряд ли это приносило им счастье. Но детского секса как общественного явления – не было.

Сегодня на сцену, на экраны ТВ, а следовательно, в каждый дом, вытаскивают то, чему место в спальне, за закрытыми дверями, при погашенном свете. Причем в самых отвратительных и грубых формах – под софитами. Вытаскивают то, что происходит в психиатрических лечебницах, отравляя, разрушая зрителя. К этому приучают с детства, и человеку ничего не остается, как считать это нормой, нормой жизни…

Без денег, без СМИ, без созданного таким образом массового потребителя этой рекламируемой грязи тотальное распространение разврата было бы невозможно.

Когда все приходит в дом на экранах ТВ, DVD и Интернета, вступает в силу фактор «энтропии». Всё сложное: музыка, поэзия, опера, балет, язык и коллизии классических спектаклей – для восприятия требуют затрат энергии, работы души, предварительной подготовки. Наоборот, бесконечные шоу с их яркими красками, веселыми плясками, плоскими шутками, легкими песнями, остросюжетные детективы – легко доступны. Не требуют никакой работы души, хотя и не оставляют ничего в «запасниках» ее.

Раньше надо было ходить в концертные залы – сегодня все пришло в дом. Выиграла ли от этого культура? В основном на этот вопрос дан ответ выше. Но есть еще один аспект: раньше искусство приходило в дом не через технику, а через обучение. Люди учились музыке, пению, музицировали, ставили домашние спектакли, читали стихи. Сегодня все это из актива ушло в пассив. Да и темп нашей жизни не позволяет музицировать и ставить спектакли. Но куда мы бежим – мимо прекрасной природы, великих произведений искусства, человеческого общения? Куда, за чем? За деньгами? А дальше? – Холить и лелеять тело?

И встает еще один очень важный вопрос: что больше влияет – поп-культура на верхи или классическая культура на низы?

Высокая классическая культура (и та культура сегодняшнего дня, которая останется в веках и станет классической) в общем потоке информации, на экранах ТВ и кино составляет очень незначительный процент, а вал развлекухи усваивается легко и поглощается, в основном, молодежью, он заваливает своей легкой «перевариваемостью» пути к более богатой и сложной духовной пище. Замечательный канал «Культура», жизненно важный для интеллигенции, молодежь никогда не смотрит. И на концертах классической музыки, романса, оперной музыки, на классических спектаклях (там, где они еще сохранились) молодежи чрезвычайно мало.

Можно было бы смириться с поп-культурой, если бы она занимала свою нишу. Но она ядовита и агрессивна, она проникает во все поры культуры и общественной жизни, разъедает, теснит, разрушает их. Культура тает, как полярные льды, и это «таяние» страшнее глобального потепления.

Деньги правят миром. Деньги разлагают все слои общества: и верхи, и низы, и сытых, и переевших, и голодных. Только аристократы духа: истинно образованные люди, или истинно верующие, или то и другое – могут противостоять натиску денег. Деньги правят экономикой, политикой, СМИ и культурой сегодня – тоже. Деньги формируют непосредственно и опосредовано современного человека. И роль СМИ в этом процессе чрезвычайна. СМИ – это четвертая власть! СМИ отравлены деньгами, их алчность опосредовано уродует отдельного индивидуума и общество в целом и замыкает всеразрушающий патологический круг всеобщего денежного оболванивания. Туда же медленно, но верно засасывается и культура.

СМИ и культура работают на зрителя, они же его и воспитывают в своем патологическом кругу: они формируют его вкусы, а потом их удовлетворяют…

Деньги дает массовый зритель, – он и «заказывает музыку». Массовому зрителю нужна развлекуха и «погорячее» … (Так ли это? Но это в последнее время утвердившееся мнение, пришедшее с Запада: в Советском Союзе были 1 – 2 программы на телевидении и одна на радио – для всех, и очень высокого качества.) Но теперь для масс (но постепенно этим начинает так или иначе питаться интеллектуальная элита) дают насилие, погони, там-тамы, спецэффекты, технические и сексуальные изощрения.

Человечество никогда уже не откажется от СМИ. Но кто убережет эту страшную власть над миром от грязных рук, замаранных деньгами и мерзостями жизни, кто поможет человечеству?

Несмотря на все превратности нашей жизни наш народ в целом все же менее порочен, чем герои наших СМИ и их проповедей. СМИ на все лады воспевают, разрисовывают сексуальные отношения нетрадиционной ориентации. Эти противные естеству отношения, возникающие при специфических обстоятельствах или как проявление комплексов неполноценности, теперь в молодежной среде считаются нормой и даже более привлекательными, чем традиционные.

Молодежь не читает книг: вся классика пишет о том, чего в жизни нет. Им не понятны и смешны герои этих книг, нелепые их страдания: они ведь знают, что все разрешается в жизни легко и просто… Это касается и старых лент кино, живописи, старого театра. Они не воспринимают не только классическую литературу, они не смотрят старые фильмы, даже военные. Им не интересны события и чувства – им нужен темп, успех, власть, сила, секс, кайф. Наша пошлая, преступная ТВ-реклама, которую категорически отвергают 90% взрослого населения страны, врезается в сознание детей, вырабатывает у них клиповое мышление примитивов. Даже полезные фильмы о дикой природе изобилуют ненужными подробностями сцен спаривания и деталями жестокой охоты, загрызания бьющейся жертвы и аппетитного пожирания только что бегавшей живой жизнерадостной плоти. – Не переиграла ли психология с сексом, ужасами и насилием? Не обернулась ли сублимация активизацией? Иногда хочется крикнуть: «Назад, к черной тарелке радио!» Но многие, оберегая детей, не включают телевизор или просто выбрасывают его.

Мы сначала создаем вкусы у молодежи, а потом сетуем на то, что они таковы. Душа должна соприкасаться с великим, в окружающей жизни или в воображении своем, иначе она мельчает. Разлом, который образовался у нас между поколениями, прошел прежде всего по линии нравственности и культуры.

Среди многих прочих потерь у молодежи исчезло чувство благодарности. А это суть отношения к родителям, учителям, старшему поколению, к миру, к Богу. Говорят, кристаллы воды реагируют на духовную атмосферу, на слово. (Если это действительно существует, это

уводит нас в глубины сущего, в глубины сути духовного… И самый красивый кристалл вода образует на сочетание двух слов (вместе): Любовь и Благодарность. Невозможно в это поверить. Но так это или не так, сочетание этих слов – основополагающее в отношении ко всему лучшему, что есть в этом мире.

Гениальный Эйнштейн повесил над своим столом портреты великих ученых, чтобы никогда не забывать, кто проложил ему дорогу открытий.

Молодежь, дети ругаются матом на уроках, не стесняясь пожилых учителей, мальчики и девочки. Они с 12 лет занимаются сексом. Они сидят в Интернете часами, играя в детективные игры или выискивая (что не представляет труда) «желтые» страницы, «жареные» факты, щекочущие картинки. Газета печатает статью: «Как я продавала свою девственность за 20 тысяч долларов». [«Комс. правда», сентябрь 2007-го]. Другие статьи не мене экстравагантны: «В постель – не замуж»; «Переспать – не повод для знакомства» и т. п. Стыд исчез как категория. – «Всё на продажу!».

Деньги правят бал в разрушенной и униженной стране, где объявили «свободу» – не свободу, а волю, не создав предварительно законов. Деньгам, безнравственности, цинизму, алчности – нужна воля и противопоказан закон.

Свобода – это закон. Свобода – это ответственность. Законы у нас кисельные, да и те не работают. Ответственность воспитывается. Но у нас теперь никто никого не воспитывает: ни семья, ни школа. Нас воспитывают СМИ, которыми правят деньги, а нередко и злая воля. (Может быть, действительно, нужна цензура? От одной этой мысли наши либералы и западные «демократы» придут в ярость. Да и кто станет судьями, цензорами? Но над этим необходимо думать. Должен быть какой-то нравственный контроль.)

Сексуальная революция, действительно, изменила всё: поведение, психологию, одежду, искусство, а главное – душу, ибо она проникла в святая святых, где душа формируется, – в школу, в Церковь: педофилия священников как массовое явление, уроки безопасного секса в школе – разве это не катастрофа? Растление детей священниками – неужели этот вопиющий позорный факт не заставит задуматься воителей сексуального фронта?! Это, может быть, самый впечатляющий факт, но далеко не самый опасный. Сексуальная революция требует от секса больше, чем он может дать, требует того, что не «запланировано» Природой. Для повышения его значимости и обогащения сексуальных ощущений выпускается бесчисленное множество красочных порнографических журналов, сотни (а может быть, и тысячи) порнофильмов, пропагандируются различные сексуальные извращения, нетрадиционные отношения, использование наркотиков, и соответствующих «художественных» фильмов. Все это пропагандируют СМИ. Думаю, что этот позор нашего века, как новый Содом, войдет в анналы истории, если этот мир не будет уничтожен Божественным гневом, как Содом и Гоморра.

Но, может быть, самое существенное то, что сексуальная революция обесценила главное, что есть в этой жизни, – Любовь. Любовь – фундамент мирозданья; Любовь есть Бог: все благое в этой жизни творится любовью. Любовь – это особый Божественный дар мировосприятия, это дарованное Богоподобие и основа творчества, как действенной энергии (как реализации) Богоподобия. (одна из песен В. Высоцкого кончается словами: «Я дышу и, значит, я живу; я живу и, значит, я люблю…»

Сексуальная революция обесценила чувства, свела все на уровень ощущений – она стала разрушать основы мирозданья. Ее воздействия можно обнаружить в самых, казалось бы, удаленных от нее сферах. И все они – разрушительны.

Открытия физиологии во времена Сеченова и Павлова очень взволновали служителей муз. Говорили о том, что теперь все порывы чувств будут рассматриваться под тем углом зрения, как кровенаполняются те или иные органы, как учащается пульс и т. д.

Но это было давно. В начале прошлого века. Мы «спрогрессировали». Теперь не говорят об учащении дыхания и ускорении пульса при проявлении тех или иных чувств. Теперь

не говорят о чувствах, не говорят о любви. И теперь не любят, а занимаются любовью. И объясняют любовь (теперь все анализируется) сексуальными потребностями. И забывают о том, что: любовь дарована нам свыше, как искра Божественного огня. Она имеет множество форм: любовь к природе, к Красоте, к предмету исследования или творчества, к Родине, к родителям, к детям, к предмету противоположного пола. Она находит материальную точку своего приложения, и тогда Любовь творит чудеса: человек преодолевает непреодолимые препятствия, забывает о сне и пище; и дыхание учащается, и сердце громко стучит (иногда разрывается от избытка чувств). Когда любовь находит свой предмет и ложится на гормональные всплески, разгорается чудесное пламя и в любви рождаются прекрасные дети (рожденные без любви дети часто бывают ущербны, особенно психически).

Любить умеют и дети, любить горячо, страдать, любить преданно и долго – тогда, когда гормональной основы для этого еще нет. Они часто любят и страдают, как взрослые. Иногда эта любовь доживает до возникновения гормональной основы, на которую она ложится со всеми вытекающими последствиями.

Мы знаем из литературы и жизни примеры великой любви, которая не знала (по разным причинам) того последнего акта, который сегодня вынесен из интимных покоев частной жизни на сцены, экраны, площади, который объявлен основой, целью и содержанием бытия. Чувства заменяются ощущениями, душевные порывы – расчетом. Любовь уходит из жизни, опустошая духовную сферу. Если уйдет Любовь, уйдет Свет, наступит Тьма инстинкта, расчета, холода. Можно, не раскладывая весь логический ряд, сказать: это – гибель… Есть надежда: иногда на краю пропасти человек останавливается. Но не всегда…

В нашей стране демографической катастрофы, генетически выбитой, сексуальная революция грозит усугублением этой нашей тяжелой болезни: детская проституция – это ненужные, нежеланные, неполноценные, брошенные дети и бесплодие в детородном возрасте. Брошенные дети чрезвычайно редко становятся полноценными людьми. Как правило, это слабоумные, недоразвитые, психически неустойчивые больные люди или просто уголовники, которые тяжелым бременем ложатся на плечи общества. А бесплодие не победишь ни дотациями на рождение детей, ни даже решением нашего неразрешимого жилищного вопроса.

Возможно, все не случайно в этом мире. Наверное, любви действительно нет места в условиях тотальной гонки: гонки вооружений, новых технологий, гонки на дорогах. погони за богатством, престижем, модой, высоким рейтингом, новой моделью автомобиля, телевизора, унитаза…

Красоту заменяет удобство, чувство – ощущение, мысль – Интернет, книгу – _компьютер, любовь – секс. Пустот нет – всё заполнено. Пусто только в душах. А в пустых душах воют волки… (Иногда сегодняшнее искусство мне кажется отрыжкой культуры, переевшей цивилизации.)

И высокому искусству тоже нет места в пустых душах.

Есть плоскостное видение мира, есть объемное, многомерное. Это видение времени, смысла, любви, взаимосвязи вещей и многих других нюансов этих и иных измерений – красок, звуков… Здесь все плоско. Понятно, примитивно, однозначно. Все закономерно и органично: пустеют души, уходит одухотворенность из искусства. (Это очередной патологический круг).

В этом погибельном опустошении СМИ, а телевидение – особенно, играют огромную роль. В эпоху развития культуры они бы наполняли души, но в эпоху гибели культуры, подавления ее цивилизацией – деньгами, прежде всего, они заполняют не души, а пространство и время – более всего время.

Сексуальная проказа не единственная болезнь наших СМИ. Наше ТВ дает огромное количество мусорных, лженаучных и откровенно мракобесных передач. Наш великий просветитель Сергей Петрович Капица, человек истинной науки, высокой нравственности, истинной, почти забытой, уходящей из нашего мира интеллигентности, сказал, что избыток информации

ведет к оскудению души. Неожиданно – не правда ли, но как глубоко! Шерлок Холмс сравнивал человеческий мозг с чердаком, заваленным ненужными вещами. В наш перенасыщенный информацией век эти замечания чрезвычайно актуальны. В этом завале, в этой погоне за информацией нет места мысли. (Хочется сравнить это с современным балетом: невероятное плетение, нагромождение узоров в танце, напряжение мышечного действия не оставляет места чувству),

Вспоминается Турин-2006. закрытие Олимпиады. Невероятное количество стилей, красок, спорта, театра, комедии, трагедии, исторических событий, современных – представление, съевшее, несомненно, баснословное количество денег, на которые, наверное, можно было бы прокормить в течение полугода не менее половины бедствующих народов. И очень мало вкуса, стиля, гармонии. На арене одновременно поют, танцуют, что-то представляют, что-то строят, кувыркаются – наверное, это панорама мира, но бесконечно скучные лица разодетых и размалеванных толп на арене удручают. Трибуны шумят, лиц их не показывают – вряд ли там много восторга. Такое количество внешних эффектов, которые не трогают душу – только органы ощущений, – очень быстро надоедают; они перестают вызывать удивление и, следовательно, интерес.

Особого внимания заслуживает реклама – это тоже развращение и замусоривание душ: отвратительная реклама «сладкой» жизни, шампуней, средств от пота, перхоти, дурных запахов, прокладок, даже презервативов; призывная реклама новых марок машин. У детей, выросших на рекламе, развивается клиповое сознание. Они рвутся, бегут смотреть рекламу и не могут смотреть ничего, что требует внимания и мозгов. Самое омерзительное, пожалуй, то, что она врывается во все передачи, она не дает ни на чем сосредоточиться ни чувству, ни мысли, принижая все возвышенное и достойное, утверждая свою пошлую власть. Это вызывает раздражение зрителей, неврозы, психозы; ее никто не смотрит, ее выключают, выключают звук. Но ее с удовольствием смотрят дети, быть может, с большим удовольствием, чем то, что эта реклама прерывает. А ведь вполне можно было бы, не раздражая зрителей и не уродуя детей, давать рекламу отдельно от других передач. Но тогда ее будут смотреть только те, кому она нужна, а не те, кому ее насильно навязывают, хотя к. п. д. этих навязываний – почти нулевой.

Сейчас по телевидению идет большое количество зарубежных фильмов о живой природе (бесконечные мыльные сериалы о жизни животных), фильмы о происхождении Вселенной, человека, о современной биологии и т. д. Это, безусловно, хорошо. Но это информация. Недостает просветительских передач. Вот уже нет «Очевидного невероятного» – просветитель ушел из жизни. Между информационными и просветительскими передачами есть довольно тонкое, но очень существенное различие. В просветительской передаче есть свет – обаяние личности, воздействие ведущего. Научно-популярные фильмы от просветительских передач отличаются, как художественные полотна великих мастеров от фотографий.

На доперестроечных телевидении и радио было много просветительских передач. Новое поколение 90-х смело это все, как устаревшее (как всегда, вместе с грязной водой – и ребенка…). Ольге Доброхотовой, например, которая много лет вела просветительские музыкальные передачи, было сказано, что у нее язык не тот (конечно – не тот!) и тема эта никого не интересует…. Вот и имеем теперь то, что имеем…

Теперь ТВ нам, с нашим уголовно-лагерным воспитанием огромной массы народа, дает мастер-классы потоком фильмов с романтическим воспеванием насилия и секса, рисует сладкую жизнь в стране, где ее обеспечить можно только насилием и воровством. И нигде, никогда нет речи о том, что благополучие – это прежде всего честный труд: благополучие дома, благополучие страны. Может быть, считают, что это будет звучать смешно. Возможно. Да, мы до этого дошли. А где выход?

Наш великий театр, который в России – миссия, школа, религия, камертон, ныне являет нам тяжелые признаки вырождения. Наш театр. «задрав штаны», бежит за вырождающимся Западом.

Петр Наумович Фоменко, недавно ушедший от нас, незадолго до смерти говорил, что «новаторы» называют дух старого театра «нафталин». – «Да, – сказал Фоменко, – я – нафталин, а другие – моль…»

Моль – всеразъедающая, превращающая драгоценности культуры в труху, а нафталин, противостоящий этому разрушительному разъеданию, почему-то слишком податливо и легко выветривается. Почему? Злобное дыхание денег? Желание бежать впереди паровоза?

Раньше классическое искусство воспевало Красоту, потом оно стало воспроизводить реальность. Современное искусство выковыривает из жизни всю грязь, учит этому молодых, будто именно это (и, в сущности, только это) и есть жизнь.

Диспуты «Культурная революция», которые ведет на ТВ Михаил Швыдкой, проходят на фоне «живой» картины: за стеклом дутые огромные человекоподобные фигуры, непрерывно двигаются, как в воде, выделывая какие-то невероятные «колена», извиваются, падают, ложатся, встают – все это выглядит довольно уродливо и противновато. На диспуте по теме: «Русская литература умерла» – в процессе довольно бурного обсуждения этой темы на вопрос кого-то из зала: «Так чем же занимается сейчас литература?» – гость программы литературный критик Лев Аннинский ответил: «А вы посмотрите на эту картину за стеклом. – Вот тем и занимается.»

Я не сразу оценила гениальную находку вести диспуты на темы «Культурной революции» на фоне этого безобразия. Да, культурная революция, ползучая, не шквальная, несомненно произошла, и, как всякая революция – это разрушение и это не «шаг вперед», а, как минимум, «два шага назад». Революция – это не только отрицание и разрушение, это часто надругательство и уничтожение…

Вот некоторые высказывания В. Максимова – писателя, живущего за рубежом, о западном обществе: «Никто здесь не читает толстых журналов. Надо признать, что демократия – это не отбор лучших из лучших, это отбор себе подобных. Крупный деятель на Западе появляется в экстремальных ситуациях – Черчилль, де Голль… но многие ли американские-то писатели появляются на экранах? Единицы, уверяю вас! Зрителям мнение писателя не интересно.

Сравните гонорары, предположим, Федерико Феллини и гонорары постановщика какого-нибудь боевика. Самый большой его гонорар равен пятистам тысячам долларов. За свой фильм Тарковский… получил сто тысяч долларов, т.е. зарплату американского чиновника средней руки. Рассчитайте эти сто тысяч долларов на несколько лет, и гениальный художник – словно безработный американец.

(21 октября 2000-го года 6 минут на ринге принесли Майклу Тайсону 10 миллионов долларов! [Этому «железному» чудовищу].)

…книги стихов раскупаются здесь плохо, а литературоведческие изыскания вообще никому не нужны.

…Что поделаешь, во все времена пикули жили лучше. Когда Сервантес сидел в долговой тюрьме, когда Бальзак от кредиторов бегал, французские пикули процветали. Это издержки куьтуры, без пикулей не обойтись. Это… ее бульон.» [376]. К сожалению, сегодня в этом «бульоне» плавают изуродованные обломки культуры истинной.

Ю. М. Лотман говорил: «Искусство —это прохождение непройденных дорог, это возможность пережить непережитое. Наше будущее лежит в прошлом. Искусство – это опыт того, что не случилось, что может случиться. – Но сегодняшний благополучный человек пришел в этот мир не познавать его, а пользоваться его благами…»

А в театре, похоже, и того хуже.

У россиян, в отличие от европейцев, есть талант сопереживания. И русский театр долгие десятилетия дарил своим зрителям счастье сопереживания, осмысления, сопричастности.

В последние десятилетия западное искусство теряло свою духовность. Сегодня эта беда обрушилась на нас. Нужна ли миру драма, трагедия? – Мещанин не хочет плакать над чужой бедой. За порогом его дома мещанина волнует только то, что может непосредственно коснуться его семьи, его благополучия, его личных интересов. Все остальное его не волнует. Поэтому в искусстве он ищет развлечений или отдыха. В острых случаях – балдежа или развлекухи: остренького, необычного, дурновато пахнущего или бьющего в нос.

Западный эгоистичный мещанский мир не привык страдать и не любит сострадать. Это в его истории, структуре, генах. Более двух веков назад, когда в светлой музыке Моцарта всё отчетливее зазвучали трагические ноты, австрийская аристократия отвернулась от него. Ей, как и сегодняшним буржуа, не нужны были «проблемы».

Это прослеживается даже в том, как Запад отмечает два великих христианских праздника: Рождество и Пасху. Рождество – чистый праздник радости, рождения Спасителя, праздник подарков (а это сладость шопинга!) празднуется бурно, радостно, с долгими каникулами и отдыхом.

Пасха – наверное, даже более значимый религиозный праздник, ибо это праздник Воскресения, явления Божественной природы Христа, явление в мир Спасителя, Надежды, Света. Но это праздник – через великое Страдание, через великие Страсти Христовы. И, может быть, я не права, но у меня сложилось такое впечатление, что этот Праздник менее значимый и почитаемый на Западе, чем Рождество.

В России оба праздника почитаемы, но Пасха – это истинная радость, торжество Воскресения – оно во всем: в приветствиях, в особой пище, стиле застолья – во всем жизненном, даже бытовом укладе Пасхальных торжеств. В Праздник Пасхи люди, встречаясь, целуются, обмениваясь радостными приветствиями: «Христос воскресе!» – «Воистину воскресе!» – и обмениваются крашеными яйцами – символами возрождения.

Если в мире нет трагедии, при отсутствии религиозности люди забывают, что в мире есть Сатана. Сытый западный мир являет нам рыщущие, скучающие не души, а тела в поисках острых ощущений; от изысков в искусстве до извращений в сексе и образе жизни; наркомании, психопатологии, сексопатологии и т. д. Есть теория необходимости стрессов. Достоевский утверждал, что человек ищет страданий. Но это очень российское, русское. Оскудевшая душа страданий не ищет. Чтобы ее разбудить, ее надо пугать, шокировать, изумлять: толстую жирную кожу нужно чесать только грубым скребком…

Искусство становится все более техническим, оно стремится не утратить ощущения темпа, бега времени. Для философии, религии, муз необходимо раздумье, тишь; ощущение вечности, а не бега; не суетности, а величавости непостижимого.

«Служенье муз не терпит суеты, Прекрасное должно быть величаво…» – Сейчас эти великие пушкинские слова звучат в лучшем случае непонятно, в худшем – смешно…

«Французский режиссер, руководитель «Комеди Франсез», приехавший к нам во время перестройки, говорил: «Поймите, может быть, в России культура и разрушена, но есть все-таки ее остатки, а на Западе культуры уже давным-давно нет, а есть только цивилизация».

…Сегодня наша культура разрушается планомерно и стремительно. Мы живем в ситуации эстетической катастрофы. И она ничуть не менее опасна, нежели катастрофа экономическая или экологическая. Только последствия ее проявятся позже. И будут ужасающими. Настанет время всеобщей деградации… Дети разучились слушать… Просто они не могут удержать внимание… В силу клипового сознания, которое в нашей стране насаждается целенаправленно. В силу уродских качеств телевидения, которое воспитывает дегенератов, разъедая умы, как уксус, как кислота. У нас идет целенаправленное оболванивание народа при помощи СМИ.

…Сегодня театр отличается неумением всех и вся. Режиссеры – не режиссеры, актеры, к сожалению, растрачивают впустую то, что им было дано в театральных вузах.

Власть захватили бандиты, если кратко говорить о современных режиссерах. Они чрезвычайно агрессивны, оттого, что – сами ничего не умеют, и им для самоутверждения необходимо уничтожить все вокруг. Думаю, что, если есть где-то интеллигенция, то земля обетованная для них – провинция… Если говорить о хорошем вкусе и восприятии искусства, то он существует скорее в провинции, чем в Москве.» [377].

Эпоха нищающих душ чувствительно дает себя знать: нет новых молодых больших поэтов, композиторов, писателей, актеров, танцоров (при их невероятной гуттаперчивости и прыгучести) – нет! Нет новых великих пьес.

Ницше где-то сказал, что художник способен творить, пока он способен кем-то восхищаться. Сейчас в обществе, в культуре восхищаться нечем. Можно пугаться или удивляться, невозможно восхищаться тем, что «круто» и «клёво». Теп7рь есть специальный термин: «тащиться». Вот и нет великих творцов в области культуры. «Тащимся»… куда, за кем, за чем? (Очередной патологический круг).

Поэтому ретивые режиссеры (повторю за Любимцевым), бандитствующие на сценах, курочат классику. Теперь любые переделки классики, в том числе прямые издевательства над ней, называются модным западным словцом «римэйки». (У нас теперь всё: шопинги, контенты, перформансы,, драйвы, кайфы, лайфы, мониторинги, пиары, шоу, шузы…).

Классическое произведение, пережившее многие эпохи, а иногда и многие века, создано большим талантом или гением. И это произведение вовлекает в сферу своей высокой духовности, учит, обогащает того, кто с ни соприкасается сегодня. Современные режиссеры – не таланты и не гении – дай Бог, чтобы не разбойники, – переделывая классику под себя, выхолащивают ее, уродуют, пачкают. И эта изуродованная классика не обогащает, а уродует зрителя. Мы не дооцениваем этих горе-новаторов…

Несомненно, каждое время вносит свои особенности в прочтение старых текстов, но особенности не должны противоречить тексту, духу произведения.

Когда Молчалин с Софьей танцуют на сцене непристойный танец, когда Родион Раскольников «заваливает» Сонечку Мармеладову, когда в «Травиате» дам «второго света» таскают по сцене так, как в порту полиция не таскает самых падших проституток, когда на святой для России великой сцене Большого кощунственно извращают великие произведения русской культуры: Пушкина, Чайковского, Глинки – хочется пойти и дать пощечину постановщику за надругательство над святынями.

А недавно (сейчас начало 2013-го) Латвия в подарок нам привезла свою трактовку «Евгения Онегина» – пушкинской энциклопедии жизни российского дворянства. Там вообще действие происходит на огромной, в полсцены кровати. (соревнуются: кто кого переплюнет в кощунстве и надругательстве. – Надо было бы выставить их с позором! Но как же?! Западная страна, западная «культура», «демократия» …).

Раньше актер играл взглядом, едва заметным движением мускулов лица, спиной, рукой, молчанием, и зал замирал. И зрители уносили с собой это скрытое напряжение чувств. Это часто запоминалось навсегда. Это были времена ХУДОЖЕСТВЕННЫХ театров, ХУДОЖЕСТВЕННЫХ образов, времена сопереживания, катарсиса. Катарсис – это высшая форма взаимодействия с художественным произведением, это состояние духовного подъема почти до уровня творца. Катарсис – слово греческое. Греки знали толк в театре. Теперь этот термин уйдет в глубь веков, вернется в Древнюю Грецию…

Сейчас актеры на сцене визжат, прыгают, катаются. Любимые, уважаемые, прекрасные наши актеры, которых мы привыкли считать носителями света и культуры, вдруг, послушные воле режиссера, обычно зарубежного (да и наши уже не отстают) в дурацких прическах и костюмах, тренировках, майках, нижнем белье, просто в тряпье скачут по сцене, которая тоже

часто сарай, помойка, туалет, делают непристойные телодвижения и тоном пьяных конюхов выкрикивают слова великих классических текстов… По-видимому, горе-новаторы от режиссуры полагают, что этой грязью на сцене они приближают театральное действо к жизни. К счастью, пока жизнь чище, чем ваши представления о ней, а возможно, и ваши души, господа «режиссеры», но вы очень активно стараетесь сделать ее такой.

А зритель после таких спектаклей часто плюется, ему хочется отмыться и забыть, но дети, молодежь привыкают к этому, как к норме на сцене и в жизни.

Михаил Чехов говорил: «Театр – это храм. Священнодействуй или убирайся!». (Наверное, наши старые великие актеры и режиссеры, если бы могли видеть, что происходит сейчас на сценах великих театров, и могли встать из гробов, встали бы…)

Оставьте потомкам классику. Оставьте стиль жизни, костюмы, язык героев – оставьте эпоху. Это история, это школа, это богатство.

Давайте представим себе римского патриция или Людовика Четырнадцатого в джинсах и футболках. Давайте лишим Д» Артаньяна его шляпы и шпаги – его легко можно будет превратить в современного бандита или полицейского. И зачем тогда Дюма? (Это дико, но именно это и происходит сейчас на сценах театров!)

Искажать историю – это значит, лжесвительствовать, т. е. совершать преступление перед обществом и собственной совестью (а есть ли она?)

Если у народа нет прошлого, у него нет будущего. Так гласит история. То же и в театре, и в культуре: уберите прошлое – не будет будущего. А объяснять необходимость упрощения и опошления классики желанием привлечь молодежь – бред, абсурд и преступление перед молодежью.

Недавно посмотрела по ТВ две пьесы театра «Современник», поставленные Галиной Волчек: «Трудные люди» (не помню автора) и «Три товарища» по Ремарку. Хотелось плакать от счастья, что наш театр еще не умер, от благодарности «Современнику». И в те же дни видела на экране отдельные сцены из «Горя от ума», поставленные (не помню, на чьей сцене) каким-то литовским режиссером: полуголые оборванцы прыгали по сцене на куче какого-то тряпья. А на-днях видела кадр в «Новостях культуры», в котором по сцене бегал абсолютно голый парень, без всяких «фиговых» листочков и веревочек. И это в пьесе по какому-то классическому сценарию.

Раньше театр обогащал и учил, теперь он разрушает и развращает.

«Ткатр превращает толпу в народ», – говорил Томас Манн. Современный театр превращает народ в сброд извращенцев.

Стыд, совесть, такт – сейчас все это ушло из искусства: из театра, кино, живописи, литературы. Раньше театр уважал чувства зрителя.

Иногда думается, что эти заезжие, как правило, молодые режиссеры, которые на русской сцене уродуют русскую и мировую классику, у себя дома в узких кругах смеются и говорят, что русские любое дерьмо съедят («… смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы…»). Так Саакашвили, поставляя в Россию пойло, вместо вина, говорил, что русские любое пойло выпьют… (Как-то на слуху новые театральные режиссеры у нас, в основном, прибалты: похоже, Прибалтика стала у нас (с особой любовью!) спасительницей-посредницей в искусстве между протухшей в классике Россией и «передовой» Европой). Но, может быть, они вполне дружелюбно хотят нас продвинуть и придвинуть ближе к «передовой» европейской культуре, ибо до некоторых западных сцен мы еще «не доросли».

«Три сестры» Чехова по-немецки. (Немецкий театр привозит этот спектакль в Россию, страну Чехова, а Россия это позволяет…)

Четыре уродливые, омерзительные маски (3 сестры и брат) бродят по сцене, кричат, визжат, валяются по полу, корчась в судорогах и визгах, сидят с идиотскими «лицами» – масками на какой-то куче белого тряпья т. п.. По домыслам недоумка-режиссера, их мало воспитывали

родители и они остались такими детьми-недоумками… А немецкая молоденькая актрисочка заявляет: «В Москву, в Москву.» – это так банально, так устарело» (К счастью, не видела весь спектакль, иначе потеряла бы много здоровья).

Да, эта пьеса не немецкая – русская. И не современная. Она о времени великих иллюзий и надежд, волею исторических обстоятельств не оправдавшихся, когда ожидаемый и начавшийся расцвет обернулся катастрофой. И не стоит молоденьким фифочкам касаться этих тем – получается мерзко…

Берлинский музыкальный театр, в котором великолепная акустика, прекрасные моцартовские музыкальные традиции ставит оперу Моцарта «Похищение из сераля». Испанский постановщик переносит действие в современный бордель. Звучит великолепная музыка Моцарта. Оркестр и певцы не вызывают нареканий. Под эти звуки на сцене множество половых актов, обнаженных тел, актов насилия. На премьере – театральные критики, поклонники оперы Моцарта – кричат, возмущаются, покидают зал. На последующих представлениях обычная публика, молодежь – они воспринимают все спокойно, как должное. Они уже хорошо подготовлены. [378].

Свобода! – Круши, выдумывай, пробуй! И «свободный» «режиссер» надевает на своих актеров шлемы, украшенные не цветами, не перьями, а половыми членами и заставляет их таскать по сцене по ходу действия классической пьесы двухметровый половой член. И «демократия» не позволяет надеть на режиссера смирительную рубашку и отправить его на лечение, пока он не искалечил тысячи душ.

(Этот посев уже сделан. Что вырастет? Драматическое искусство на Западе вымирает, а может быть, уже вымерло. Западная молодежь гордится тем, что не умеет и не хочет чувствовать. Поэтому в театре драма – это смешно… У нас тоже зал очень часто смеется в самых драматических местах. – Может быть, актеры так играют…)

«Лебединое озеро» по-китайски. Удивительный феномен нашего времени. Раньше искусство считало святым своим долгом соблюдать стиль эпохи, в которой написано произведение: костюмы, язык, манеры, общую обстановку. Теперь же любое сценическое воплощение произведения считается тем удачнее, чем дальше оно от оригинала, чем более изуродован его дух и стиль. (Уродовать старое – это особый современный вид «творчества» импотентов, не способных создавать свое, новое.)

В Китае «Лебединое озеро» часто стало цирковым представлением. Вместо четырех танцующих маленьких лебедей (это жемчужинка балета), прыгают четыре веселых лягушки (мужчины). И это, пожалуй, самое удачное из всего происходящего на сцене. Какие чувства вызывают такие представления? Язык, как всегда, точно определяет ситуацию: «Позырить и афигеть»…

Сейчас уже трудно представить, как говорило образованное старшее поколение первой половины 20-го века. В кинофильме «Покровские ворота» тетушка молодого главного героя говорит его поклоннице: «Соблаговолите дать Ваш номер телефона» – Мы больше никогда не услышим такой фразы. Это другие люди. На старых фотографиях другие лица; они спокойнее, благороднее, добрее.

Наша великая актриса Фаина Раневская как-то сказала; «Я так давно живу, что еще помню хороших людей.» У нас даже не осталось уважительной формы обращения друг к другу: слово «товарищ» себя скомпрометировало и изжило; старые дореволюционные формы обращения: сударь, сударыня, господин, госпожа – не приживаются, ибо не испытываем мы друг к другу достаточного уважения и не чувствуем себя господами ни в своей стране, ни в своей судьбе. Так и обращаемся друг к другу позорно, как в суде: гражданин, гражданка, – или еще того не лучше: женщина, мужчина, девушка, бабушка…

В театре Шекспира лилась кровь, люди умирали от любви и ненависти, за царства и троны. Сегодня на сценах и экранах льется кровь, стреляют, сбрасывают с мостов, изощренно

душат друг друга мелкое и крупное ворье, наркоманы, искатели сексуальных преступлений… («Восстание масс»!).

Все это в Европе началось давно. Уже в 60-е – 70-е годы прошлого столетия даже Луис Бунюэль заскучал от вседозволенности.

В России сейчас появилась масса театров-студий, художественных групп. Кощунствуют не везде – часто ищут, тщатся осмыслить и передать дух нашего непростого и нелегкого времени. Невероятное разнообразие невероятных форм. (Во всяком искусстве при поиске новых форм, особенно в переломные моменты истории, всегда есть гениальные находки и полные провалы – последних, естественно, больше). Цветет авангард, но не улавливается веяние таланта, творческой индивидуальности. Потуги, изыск до изврата. Краски, звон и почти… пустота. Нет сомнений, что есть и таланты, но на общем фоне их явно немного. Это, в основном, совсем зеленая молодежь. Быть может, на ней уже так основательно сказался геноцид (ведь Россия всегда была удивительно богата художественными талантами), а может быть, они еще слишком молоды и очень спешат. Похоже, что талантов было гораздо больше среди тех, кто был молод во времена «Оттепели». Еще четверть века всеобщего разрушения и разложения, видимо, внесли свою солидную лепту. (Истинное искусство – «штучный товар». Сейчас властвует индустрия развлечений.)

Недавно увидела новую постановку «Дней Турбиных». Пьеса ставилась почти в традиционной манере, но после постановки Художественного театра и телефильма, поставленного Владимиром Басовым, смотреть не смогла…

Раньше на сцене был человек живущий_ любящий, страдающий, чувствующий. Теперь – человек действующий: даже если он смеется или плачет, – это не чувство, это действие иди изображение чувства. Раньше творили образ, теперь ищут схему. Теперь не ищут художественные краски, а просчитывают телодвижения.

Сейчас театр, моды, живопись, произведения искусства должны быть скандализованы.

Современный новый театр – это сочетание примитивизма, шокирующей «новизны» прочтения классики и пошлости.

Хоть и скудеет Россия талантами, но все же она продолжает их рождать (правда, больше питает ими другие страны). И сейчас, при несомненном кризисе театра, много молодых талантливых актеров: возможно, работает инерция старой театральной российской школы. Но вопрос в том, где они будут играть, в каких спектаклях и фильмах, каких героев и кто будет их режиссерами.

Игра большого актера на сцене – это вершина айсберга. Его основная глыба скрыта в глубинах репетиционной работы, осмысления, постижения, внедрения в образ.

Сегодня в «мыльных» сериалах молодые, быстрые – актеры «действия» уже на съемках узнают, о чем пойдет речь, и, повторяя за суфлером текст, быстро справляются с ролью и бегут дальше (за деньгами). Истинное искусство – служение, а это – один из видов зарабатывания денег.

(Недавно (сейчас начало 2012года) один из известных театральных деятелей на ТВ сказал: «Я недавно был в Минске, в Русском драматическом театре. Они живут бедно, но как хорошо…» Это тоска по тому духу русского стоического одухотворенного искусства, не пораженного «золотым тельцом», не запачканного западной «пеной» – того искусства, которое выжило в большевистских тисках, как героическое служение высоким идеалам Великой русской Культуры.)

Сейчас авторскому репертуарному театру угрожающе противостоит антреприза. Да и вообще, авторские театры, похоже, действительно умирают вместе со своими создателями режиссерами-художниками.

Сейчас любой проходимец может войти в театр, заявить о своих режиссерских амбициях и – «твори, выдумывай, пробуй» … («Янкель, вы умеете играть на скрипке?» – «Да! Во всяком случае, я видел, как это делается.» …)

Может быть, то, что мы наблюдаем сейчас на сцене, – это трудный начальный этап перехода от чувства на сцене к голому интеллекту? (Есть поиски нового, есть разрушение старого, есть и то, и другое. А иногда – просто профанация, «творчество» осмелевших (охмелевших от «демократии») самоуверенных невежд.) Может быть, это начало превращения нас в роботов или в гуманоидов, и мы в недалеком будущем полетим пугать население других планет Вселенной…

А может быть, просто тяжелое рождение нового искусства, а рождение чего-то живого всегда процесс трудный, болезненный и неэстетичный. Так или иначе, пока это время поисков, но не находок…

Театр и кино – не одно и то же, но сферы родственные; и там, и там паруса надувают ветры времени.

До перестройки почти все наши лучшие фильмы или уродовались купюрами и переделками, или становились «полочными» (на 10-15-20 лет) или просто уничтожались.

У нас не делались фильмы, которые цензура могла запретить по причине безнравственности. Причина всегда была одна – идеологически не выдержаны. Это значит, что допустимая доза правды была превышена. (А иногда просто не прославлялась официальная ложь – это значит, не отражалась действительность.)

Перестройка открыла на экран дорогу и «полочным» и новым свободным фильмам. На старом потенциале было снято некоторое количество хороших фильмов. К сожалению, в них было очень много тяжелого и просто откровенной чернухи – такова была наша жизнь. Но старые возможности быстро иссякли, и кино оказалось в такой же глубокой разрухе, как и вся страна.

На экраны полилось кино западное, в основном, американское. Это были не лучшие фильмы, это был мусор. «пена», дешевка – подонские фильмы с непрерывным насилием, погонями, жестокостью, стрельбой, с цветными физиономиями полицейских и преступников – закомплексованное «дно» жирующего общества. Или другие фильмы с бьющей в нос чрезмерной, неприличной роскошью. (Сейчас я думаю, эти фильмы были рекомендованы нам нашими «доброхотами» – «партнерами» в рамках программы разложения российского общества…)

(И хочется отдать должное нашим идеологам большевистских времен. Сейчас, когда нам стали доступны западные фильмы времен расцвета Великого западного кино, приходится признать, что вкус у художественных советников наших идеологов был весьма неплох: то немногое, что до нас все-таки доходило, было из числа лучших фильмов.)

Американское искусство – сюжетное, остросюжетное, искусство внешних обстоятельств, победа над врагом, чудовищем, преступником достижение цели – преступной или праведной. Это всегда действие. Оно происходит во внешней среде, не внутри человека. Поэтому и обстоятельства должны быть привлекательны: красивые костюмы, красивые фигуры, пышные апартаменты; впечатляющие, красочные масштабные кровавые битвы; чудовища должны быть изощренно устрашающими – иногда внешние изыскания бьют в нос своей чрезмерностью. Если действие затрагивает нутро человеческое, то это, как правило, патология: психо-, сексо-.

(В российском искусстве Дракон имеет внешне облик обычного человека. У нас поле битвы – душа человеческая.)

Сколько сил общества уходит на эти невероятные костюмы, цветочные композиции – моря цветов; умопомрачительные торты?! Нужно ли это? Делает ли это человека лучше? – Похоже, что нет. – Это обжорство. Половой акт не может дать более того, что может. Вкусовые ощущения притупляются от обжорства. Бьющая в нос роскошь не замечается. Человек сытый,

вернее, не голодный, и человек зажравшийся – вещи разные. Это всё – «восстание масс». Это всё – нувориши. Роскошь их домов – это не богатство старых аристократических замков. Здесь нет высокого искусства. Здесь всё бьющее по ощущениям, а не пробуждающее чувство.

На-днях по ТВ (2007 год) случайно увидела (ночью) вполне доброкачественный американский фильм с актером, который мне понравился. Вчера случайно вновь попала на фильм с ним же. Решила посмотреть. Увидела современные танцы – тусовку приличного общества – не портовых проституток и матросов. Танцуют в джинсах, майках (это где-то на отдыхе), каждый дергается и трясется в одиночку; все потные, глаза на выкате, безумные; лесбиянки целуются тут же в танце взасос. Потом увидела крупным планом феерический секс (с этим понравившимся мне совсем в другой роли актером)…

Вспомнились балы, где дамы в красивых платьях, мужчины во фраках, военных мундирах. Первый бал Наташи Ростовой… Разве там чувства были менее острые? – Нет! Но они были другие. Те чувства открывали мир, позволяли видеть его яркие краски, ощущать его удивительные ароматы; они будили желания и мечты, заставляли человека вдохновенно работать и творить.

А здесь… всё ниже пупа. Тупой и агрессивный туман в глазах.

Новое западное кино интересуют деньги, секс, патология, ужасы, земные и космические. На этом воспитываются вкусы и интересы новых поколений.

Не помню, в каком году Федерико Феллини сказал Владимиру Наумову: «Мой зритель умер. Я – как самолет: взлетел, а аэродрома нет. Сейчас развилось клиповое сознание. Оно проникает сейчас всюду. Им не интересно мое кино. Им нужны смена положений, красок…»

Сергей Соловьев в телевизионной передаче пересказал подобный случай с Феллини, рассказанный ему Бондарчуком: премьера фильма Федерико Феллини. Сто человек в зале. – Что случилось? – Мой зритель умер. Это те, кто остался… Что же делать? – Умереть самому…

(А какое огромное влияние на нас, на наш кинематограф оказало в свое время великое итальянское послевоенное кино: фильмы Феллини, Р. Росселини, Висконти, Витторио де Сика…)

А в январе 2013-го наш Мастер кино Алексей Герман на канале «Культура» сказал: «Раньше я был не нужен правительству, но был нужен интеллигенции. Сейчас я не нужен никому. Интеллигенция рассеялась по углам. Уехала за рубеж.

Кинорежиссура – это сверхдворянская профессия. Когда поэт работает дворником, я понимаю. Но когда режиссер содержит кафе, занимается поставкой селедки, а потом бежит на съемки, – не понимаю… Кинематограф служил обществу, сейчас кинематограф это потерял.»

Раньше все режиссеры хотели стать Тарковскими. Сейчас для них главное (не для всех еще!), чтобы фильмы были коммерческими.

На Международном кинофестивале в Каннах в 2013 году первую премию присудили фильму о любви двух лесбиянок с большим количеством откровенных сцен. (А еще совсем недавно у нас и целоваться на экране не умели. А в Голливуде, где целоваться умели очень красиво, поцелуй тоже не должен был длиться более 3-х секунд!) А сейчас без секса и фильм неполноценный. Целоваться, правда, так и не научились – секс полегче…)

Наше кино оказалось на пепелище: в условиях полной экономической разрухи, политических разочарований, бандитизма, наступления «денежного мешка»; нагло разрастающегося бандитского «блеска» одних, очень немногих, и вопиющей нищеты всех остальных.

На этом гноище нас затопила «пена» американского кино. Но российское кино довольно быстро вышло из состояния растерянности и бросилось догонять американцев. Догонять мы умеем. Даже перегонять. Этому нас научила история. Но без компьютерных технологий, баснословных денег наше кино могло подражать лишь самым низкопробным вариантам. И несмотря на все уродства нашей жизни, наше киноискусство стало стремительно опережать жизнь. Судя

по нашим новым фильмам, у нас ничего не осталось в жизни, кроме погонь за деньгами, за преступниками; убийств, секса, пошлости, уродств, криков, грязи, грубости, слэнга, мата.

Это не так, но нас – нашу молодежь приучают к этому, как к норме жизни, загоняют ее в эту норму. В фильмах, где постановщик старается избежать сцен насилия и откровенного секса, нужны другие эффекты: красивые лица, красивые костюмы, красивые пейзажи, неожиданные пассажи… В результате нередко получается кукольный театр: живые красивые нарядные длинноногие куклы, чаще голубоглазые блондинки – так модно, или в подражание американцам, а длина ног важнее глубины души… Направляемые кукловодом, они совершают какие-то действия. Именно действия, а не поступки. Действие – это рефлекс, условный или безусловный, вызванный обстоятельствами. Поступок – это категория нравственная, это результат работы души, работы ума и сердца. Новое искусство исключает эти категории из арсенала своих средств.

Наверное, не просто разбудить пустые души, наполнить их, развить. Сейчас абитуриенты, поступающие в ГИТИС, не знают, что такое «Мертвые души», «Преступление и наказание». Они не могут назвать имен великих австрийских, немецких композиторов. (Это сказал на ТВ Андрей Юрьевич Хржановский – режиссер, друживший с Ахматовой, Бродским, Феллини.) Что это? Вырождение? Компьютерные игры? Школа? Наше общество? Деньги? Секс?

Студенты театральных вузов не читают Станиславского – они читают Фрейда, Маркиза де Сада…

Когда смотришь на записи игры старых великих актеров дореволюционной России (этих записей сохранилось чрезвычайно мало) или на игру замечательных великих мастеров советского кино и сравниваешь их с игрой актеров сегодняшних (многие из которых, наверное, талантливы) – их герои: ворье, дельцы, следователи, убийцы, бандиты: и даже их любовь, украшенная сексуальными «цветочками», – всё кажется плоским, как газетные раскрашенные листы, как ТВ-шоу. И фильмы часто кажутся все на одно лицо.

Вспоминаю фильм о Ландау (каюсь, я недолго смотрела его – не выдержала).

Ландау был гений, великий физик, решавший сложнейшие задачи века физики. Он был Учитель Божьей милостью. Он создал в СССР великую школу физиков, великих физиков мира. Москва стала одним из величайших научных центров мира. Это был остроумный, обаятельный, веселый человек, из которого великие физические идеи, проблемные задачи, темы диссертаций сыпались, как сладости из рукава Василисы Прекрасной; короткая встреча с ним могла определить судьбу физика. Но этот мерзкий фильм о нем был сведен к каким-то похождениям сексуального маньяка. И дух фильма – это не обаяние великого ума, а смрадный дух пошлости…

(Я не физик, но много была в окружении физиков и знаю, с каким восторгом и почитанием о нем говорили те, кто с ним соприкасался в студенческих аудиториях, на кафедрах, в лабораториях, на симпозиумах и за их пределами тоже.) Когда в 1962 году Ландау попал в автомобильную аварию, его спасал весь мир, во всяком случае – научный мир. Нобелевскую Премию он получил в больнице…

И все же, по-моему, «постперестроечная» тяжесть денежного мешка киноискусство прогнула меньше, чем театр. Уже в нулевые годы нового века, да и в последние годы прошлого вышло немало хороших и очень хороших фильмов: «В круге первом», «Идиот», «Жизнь и судьба» и немало других. Может быть потому, что залетным, особенно чужеземным, режиссерам труднее проникать на студии, чем на театральные сцены. И лучшие фильмы поставлены нашими заслуженными мастерами.

«Сегодня 19.07.2007 хоронили актера Михаила Кононова. Он жил где-то в Подмосковье, тяжело болел и не имел денег на лечение. По-моему, не прошло еще года с тех пор, как вышел на экраны фильм «В круге первом», где он сыграл свою последнюю роль. Сыграл блестяще. Фильм «В круге первом» вообще прекрасный. Он сделан Глебом Панфиловым – Мастером.

Сценарий написал сам А. И. Солженицын. В фильме, сделанном художниками, все замечательно, все и всё – на месте. Все актеры играют очень хорошо, но «старики»: И. Кваша, Альберт Филозов, Михаил Кононов – просто великолепно (каждый портрет, каждый кадр, каждая сцена – высокое искусство).

После выхода фильма «Идиот» В, Бортко пересмотрела старый пырьевский фильм с Юрием Яковлевым и новый смотреть не захотела. Хотя после «Собачьего сердца» очень ценю В. Бортко. Потом все же не выдержала: великолепный ансамбль и прекрасный фильм!

Я очень люблю наше настоящее кино – то кино, которое уходит корнями в нашу культуру. Я любила и западное кино, довоенное, 50-х – 60-х годов: американское, итальянское, французское, английское; фильмы трофейные, фильмы первых Московских международных кинофестивалей.

От большинства новых фильмов, и западных, и наших, меня тошнит. Сейчас в кино довольно много красивых женских лиц и длинных ног, но разве эти красотки могут играть так, как Инна Чурикова, Нонна Мордюкова, Нина Дорошина. Светлана Крючкова?!

Разве кто-то может сейчас так играть, как Олег Борисов, Иннокентий Смоктуновский, Евгений Лебедев, Евгений Евстигнеев, Павел Луспекаев – разве всех перечислишь?1 Это, как в балете: можно точно повторить движения Кармен в «Кармен-сюите», но Кармен-Плисецкой – не получится! Другие времена! Другая эпоха: ступени цивилизации вверх, ступени культуры – вниз…

Похоже, что сейчас и в театральные училища, и в балетные набирают не по внутреннему содержанию и таланту, а по внешним данным: цвету глаз, длине ног…

И все-таки пока еще некоторые наши ценности нам удается сохранять.

«Сегодня видела (число не записано) по ТВ конец церемонии вручения 13-й «Ники». Это не роботоподобный «Оскар», а крылатая красавица богиня. И в зале сидели не голливудские звезды-миллионеры, а наши почти нищие изумительно талантливые актеры. И в фильмах наших не невероятные изощренные роботы-чудовища, не сексоманы, супербои, а свет души человеческой, который освещает любую мглу. (У «них» «Звезды», у нас Народные артисты; у них это деньги, слава, блеск; у нас – народная любовь и почитание. (Пожалуй, какие-то деньги им бы тоже не повредили…)

А что нас ждет в будущем?

Недавно (октябрь 2012) видела на канале «Культура» молодых кинопродюсера и кинокритика. Они очень самоуверены, профессионально подкованы и абсолютно чужды традициям старого мирового драматического кино. Для них современное кино – это зрелищность – стык, симбиоз различных технологий. На вопрос ведущего, что все-таки они оставляют режиссерам, они даже затруднялись отвечать: у режиссера есть, конечно, свое место, но оно не главное, и драматическому действию места на экранах практически нет.

Неужели они определят будущее кинематографа? У них, безусловно, есть там свое место, но не все же пространство!

Наступление цивилизации тяжелой поступью выдавливает из жизни человечества культуру, оно ее уродует. В российской культуре цивилизация выхолащивает главную ценность, суть русской культуры – ее духовность.

Есть еще и такое понятие: Русский балет. Именно, РУССКИЙ БАЛЕТ. Это не просто танцы – это духовность и драматизм, переданные через танец.

Современный западный балет, за которым торопливо следует и наш, – это поиск и выжимание из тела максимума его возможностей. Растяжки современных танцоров, гибкость их тел, высота прыжков в прошлом была доступна редким мастерам балета, а более – артистам цирка. Рисунок танца чрезвычайно усложнился, но из танца ушло главное – его духовная суть.

Современный западный балет – это архитектура из человеческих тел. Холодная красота положений, без драматургии, без чувства. Французский балет «Знаки». Это умствование в искусстве. Сейчас во всех видах искусства модные деятели стараются перейти к знакам – интеллектуальным (а зачастую лишенным всякого интеллекта) построениям, которые подаются в ярких красках, светомузыке и прочих технологических изысках.

(Нечто похожее происходит и в архитектуре. (Все виды искусства любой эпохи удивительным образом спаяны глубинно единой духовной (или бездуховной) сутью). Произведения великих архитекторов прежних веков – это непостижимый полет духа, и спустя столетия – иногда многие столетия, они неизменно вызывают восторг и замирание сердца. Знаменитые произведения современной архитектуры – это интеллектуальные конструкции, в лучшем случае они удивляют, в худшем – раздражают.

Древние ценили Красоту, а Красота – это гармония. Современные архитекторы сознательно взрывают гармонию. Они изыскивают что-то необычное, иногда противное природе и здравому смыслу.)

Посмотрела по ТВ балет Пола Тейлора. Великий мастер, великолепный балет. Тэйлор дает танцору максимально раскрыть его индивидуальные способности, выжаться до предела. Но – способности тела. Душа горит от избытка напряжения и ощущений, но не чувств. Сексуальная активность несомненная. Энергия порыва огромна. Но нет высокого полета души, любви, идеи.

В настоящий момент, когда пишутся эти строки, на ТВ проходит конкурс молодых танцоров ведущих театров России «Большой балет». _ Фанфары, барабаны, пенье труб. Громкие слова. Высокие оценки. – Они прекрасно танцуют, высоко прыгают, растяжки поражают воображение. Они большие труженики. Они хотят быть хорошими профессионалами. – Будут. – Но будут ли Мастерами?!

Узор танца очень сложен – слишком много суеты. Как будто они торопятся показать все, на что способны. Чувство требует глубины, сосредоточенности, оно реализуется во времени – это не мгновение. Эта сложность танца, эта суетность так же не совместима с чувством, как цивилизация с культурой (Или… или… Или чувство, или действие. Слишком напряжены мышцы – напряжению души нехватает места…) Один из членов жюри сказал одному из танцоров (у него прекрасная техника, прыжок, растяжки): «Мне бы хотелось понять, что Вы чувствовали, когда танцевали.» – На что танцор простодушно ответил: «Я об этом не думал»…

Иногда даже говорят об огне и страсти, но изображают это структурами танца а не духом его. При точном воспроизведении всех деталей танцев, поставленных нашими великими хореографами, воплощенными многократно на наших сценах и сценах мира нашими великими балеринами и танцорами, молодые артисты при всем старании выполняют их формально. Даже изображая чувства на лицах, они не могут скрыть внутреннюю пустоту – нет внутренней глубины чувства, нет драматизма, как будто порвана какая-то внутренняя струна, которая делает танец истинным произведением высокого искусства. Но это не их вина. Это эпоха. Все искусство испускает дух, даже в лучших случаях, оставляя только форму.

Возможно, суть еще в том, что новые танцы, новая техника и не стремится передавать состояние души – она передает состояние, страсти тела. И это у них получается лучше. Со временем, возможно, наши молодые танцоры обретут и определенное духовное богатство.

Мне, несомненно, очень мешает то, что я видела Уланову, Плисецкую, В. Васильева, Максимову, Лиепу, Нуриева… То, что посчастливилось увидеть в их исполнении, сегодня ни в чьем исполнении смотреть не надо. Это был великий театр классического балета. – Драмбалет, – кажется, это термин Владимира Васильева. ДРАМБАЛЕТ!

В связи с юбилеем Родиона Щедрина опять имела счастье увидеть кусочки из «Кармен-сюиты» с Майей Плисецкой. Каждое ее движение полно такого драматизма, силы и красоты! Это невозможно рассчитать. Это от Бога, от таланта, от гениальности, от учителей эпохи.

Очень часто эпоха уносит с собой какие-то свои секреты: росписи фарфора, акустики храмов и мн. мн. др.. И когда смотришь сегодня на наш молодой балет, на великолепный балет зрелых мастеров, вспоминаешь «Жизель» Улановой, Лебедя Плисецкой, Спартака Владимира Васильева и каждый жест любого их танца на сцене, понимаешь: эпоха 20-го века тоже унесла с собой то, чего сегодня просто нет. Унесла высокую духовность не только из балета, не только из искусства – из жизни вообще. Новые поколения оценить этого не могут. Нельзя оценить то, чего не знаешь. А это внутреннее, глубинное…

Леонид Якобсон умел вплетать чувство в сложный рисунок своих танцев. Там не было суеты, желания успеть больше; сложность танца была не самоцелью, а драматическим содержанием танца. Чувство меры было дано Якобсону как великому мастеру, но советская сцена не приняла Якобсона.

У сегодняшних очень хороших танцоров есть чувство профессионального долга, желание успеха, но у них нет трепета перед святыней искусства. Наверное, романтизм навсегда ушел из нашей жизни, Его место заняли трезвость, расчет, деловитость. Поэтому и в их танце есть напряжение действия, но нет напряжения чувства. (А ведь балет – это выражение состояния души через возможности тела, а не демонстрация возможностей тела.) А потому их танцы или не трогают, или удивляют, но не заставляют восторгаться или плакать, как танцы наших великих мастеров 20-го века. Плисецкая не прыгает в шпагате, а летит. Может быть, шпагат, по нынешним меркам, недостаточно совершенный, но это легкий, истинный, «душой исполненный полет», а не строгая фигура тела.

Когда они танцевали, ни на одно мгновение не рвалась нить ДРАМАТИЧЕСКОГО действия; его напряжение шло через все сцены балетного спектакля, оно было в каждом движении танцора. Даже в концертах каждый танец – это была новелла: в нем был сюжет, развитие действия и финал.

У Екатерины Максимовой в дни ее юбилея (февраль 2004-го) спросили: «Какая Ваша роль Вам более всего дорога?» – Она ответила: «Дороги все роли. Они все выстраданы.» ВЫСТРАДАНЫ! Похоже, это понятие ушло из искусства, может быть, навсегда. Сейчас роль, не только в балете, но в балете особенно, нужно не выстрадать, а отработать.

(Среди среднего поколения в нашем балете есть много прекрасных балерин и танцоров, блестящих, известных мастеров танца, но великих – нет.)

Нельзя не отметить, что современный балет весьма расширил свое жизненное пространство, охват проблем, но утратил романтизм и, в значительной степени, красоту. (А вот «Золотой век» в постановке Юрия Григоровича, достаточно современной, своеобразно романтичен и красив.

Очень хотелось бы увидеть, как Владимир Васильев поставил Платонова: такой сложный, противоречивый мир, такую сложную мистическую философию – воплотить в танце?! Но Владимир Васильев – гениальный танцор Русского балета, художник, поэт – уверена: в его постановке это будет большой балет, а возможно, – великий…

(Вспоминаю наш балет на льду. Выступления Пахомовой и Горшкова ждали все – они обычно завершали праздник фигурного катания. Их выступление – это спорт, балет, драматическое действие. Все замирали. Ждали «Кумпарситу»…

После их ухода танец на льду очень усложнился, обрел очень много новых сложных элементов, но никогда он не производил такого впечатления, как танцы Пахомовой и Горшкова, хотя было очень много хороших танцевальных пар.

Только, наверное, Джейн Торнфилд и Кристофер Дин поднялись после них на ИХ высоту, но это было нечто другое, новое – не танец, а изумительное скольжение и согласие в танце – как ворожба на льду, воплощенная в танце музыка, гармония.)

А как же классический балет? Неужели его миновала горькая судьба классики в новые времена?! – Нет, конечно.

Январь 2013 года. В Большом премьера балета «Баядерка» в новой редакции Ю. Григоровича. Реклама рвет душу – не дождаться! И вот, наконец… Дают по ТВ. – Прекрасный кордебалет, шикарные костюмы, яркие краски, красивые коллективные танцы. Но главные герои… Героини неплохи. Герой летает по сцене, но не более. В его танце нет чувства вообще. Через несколько дней вспоминаются только яркие краски бала и последний танец Никии (баядерки) – наверное, лучшее место в балете. (Но достаточно скоро забывается всё. – «Лебединое». «Спартак», «Анюта», «Золотой век» и мн., мн., мн. – не забываются…)

А через несколько дней довелось увидеть (по ТВ) шведскую постановку «Жизели», кажется, 1987 года. Ничего боле уродливого своими глазами пока увидеть, к счастью, не довелось. Жизель уродлива во всех своих проявлениях. Её как будто бьет сексуальная падучая. В древние времена ее бы побили камнями, в более поздние – из нее бы изгоняли беса. Все ее движения уродливы, пошлы, непристойны. Она танцует все время враскоряку. (Надо сказать, что все танцоры тоже в основном пребывают в этой позе).

Трудно определить, во что были одеты герои: это какие-то длиннополые бесформенные одеяния из какого-то рядна неопределенного грязносерого цвета. Не помню, во что были обуты герои, но Жизель танцевала босиком: большие, не очень красивые ноги…

Во втором действии Жизель в сумасшедшем доме. И, естественно, там танцуют психически больные люди. Как и полагается по сценарию, туда приходит ее возлюбленный. Его танец тоже уродлив, как все в этом действии, в том числе и безобразные, двусмысленные декорации, – по-видимому, картины помутненного извращенного сознания. Совершенно не понятно, почему, по какой логике действия, в результате чего этот герой оказывается валяющимся на сцене абсолютно голым. Но он валяется недолго, он начинает танцевать, демонстрируя свои прелести, пока другой герой не накрывает эту «скульптуру» какой-то тряпкой. На этом спектакль кончается. (Хотелось бы понять, что хотел сказать (в сюжете «Жизели») автор сего шедеврального «пассажа». А может быть, не хотелось бы… – Нет, не хотелось бы!)

В этом спектакле отвратительно уродливо все и всё: костюмы, танцы, позы, лица, декорации, сцены – всё ниже пояса, смердяще отвратительно.

Вспоминается «Жизель» в нашей классической постановке. Жизель – Уланова. Это одна из лучших ее ролей. Уланова – лирическая балерина. Жизель чистая, поэтичная, нежная, трепетная влюбленная девушка. Иначе ее вряд ли полюбил бы знатный юноша. Ее танец легкий, красивый, романтический, наконец, – трагический. Она умирает.

Сцена на кладбище мистическая, одухотворенная, безнадежная. Все действие чрезвычайно красивое: красивые декорации, красивые танцы. (Здесь же пляски сумасшедших с открытыми ртами на фоне каких-то сомнительных частей тела…)

Лев Семенович Выгодский писал о влиянии культуры на психологию. Тогда, когда Фрейд говорил о влиянии на психологию подсознательного, он говорил о влиянии сознательного. Он говорил: Фрейд изучает глубинное, а мы вершинное. Он еще говорил: «Фрейд идет к истине, хромая.» – И добавлял: «Но Библия хромоту не считает грехом…»

Но это не «хромота» – новый век назвал это «свободой», «правами человека». Свобода раскрыть свои глубины, расправить крылья, дать выход энергии. И либо человек раскрывает свои внутренние богатства, таланты, свет, либо извлекает затхлость, гниль, комплексы, тьму из закоулков своей души. Либо он расправляет крылья и парит в светлой выси, либо ползает болотной злобной рептилией; и энергия его либо созидает, либо разрушает.

(Думаю, эта «хромота», эта «свобода» дорого обходятся миру.)

Вспоминая последнюю постановку «Баядерки», думаю: когда из Красоты уходит Любовь, она становится пресной. «Светит, но не греет»…

И снова конкурс (начало 2013-го) выпускников балетных школ России. Судить о них рано – они еще зелены. Но общее впечатление все то же: из них как будто вынули пружину драматической составляющей танца. Кажется иногда непонятным, зачем они совершают те

или иные действия и па. Даже в фигурном катании наш знаменитый тренер Елена Чайковская современное судейство назвала «бухгалтерией»: оценивают технические стороны танца, количество прыжков, оборотов и прочее, но не артистичность, содержание танца, музыку, красоту танца… (Век цивилизации: век техники, высоких технологий – век высокой ТЕХНИКИ в балете. В музыкальном исполнительстве…)

Что первично, что вторично в кризисе современной культуры: сначала из нее ушло чувство и его место заняла пошлость или пошлость вытеснила чувство?

Но в шведской «Жизели» не пошлость – там сатанинство. Когда из жизни, души, сердца уходит Бог, его место занимает Сатана. (А может быть, множество уродливых, изощренных и очень быстрых движений и есть отражение современной жизни?)

Если такое можно сделать с Жизелью, во что же можно превратить Кармен? Странно, что руки новых «художников» до нее еще не дотянулись (а может быть, я об этом просто не знаю, к счастью). Франко Дзефирелли спасал оперное искусство, защищая от варваров новых времен.

У меня сохранились старые дневниковые записи об искусстве.

Вот запись декабря 1993 года: «Сколько новых стилей, новых театров. Свобода начинает и в искусстве приносить свои плоды. Каждый театр имеет свое, ни на кого не похожее лицо. И все это великолепное разнообразие – истинное искусство. Сколько же сейчас удивительных театров в России, в обеих ее столицах и на периферии.»

А вот февраль 1994 года. «Смотрела по ТВ небольшой концерт балета. – Нет! Не скудеет Земля Русская, хоть и покидают ее, нищую, неиссякаемые ее таланты в погоне за заработком, богатством и славою. Прекрасны молодые танцоры и прекрасны по —новому, бесконечно поразному поставленные танцы.»

Это был период освобождения нашего прекрасного искусства от идеологических оков, когда долго сдерживаемая инициатива и энергия хлынули через край; до того, как его стала накрывать западная «пена» и отравлять власть денег.

Сейчас молодые танцоры того периода – это наш цвет, настоящая слава нашего балета.

Хочется надеяться, что и сегодняшние молодые не посрамят наше великое искусство. Балет может стать выразительнее, сложнее, богаче, если он не впадет в пошлость и не утратит связь с чувством.

Наверное, если бы современные художники подошли ко всемирно известному художественному полотну старого мастера и начали «обновлять» его, пририсовывая к нему постыдные детали (да еще неумелой рукой), мазать его черной или любой иной, даже смывающейся, краской и т. п., это вызвало бы всеобщее возмущение. Но, когда берут Шекспира, Пушкина, Чехова, Моцарта, Чайковского и превращают их произведения в нечто непотребное и противоречащее замыслу, духу, стилю этих произведений, это оказывается вполне позволительным. А главное – это развращает умы и нравственность молодежи, пачкает их души и учит разрушительно, неуважительно относится к ценностям человечества, к опыту, трудам, талантам, гению предыдущих поколений, к тому, что отдано ими в наследство поколениям грядущим. И что уж тут говорить просто об уважении к старшим?! – Это рубить себя под корень… в миру и в дому.

Курочат всё, даже музыку – самое высокое, что может творить человек.

На радио «Россия» в какие-то дни недели около полуночи был час (или полчаса; может быть, эта передача есть и сейчас) современной музыки. Это была «музыка для «истинных меломанов, настоящих интеллектуалов». Невозможно словами излагать музыку, но об этой сказать кое-что можно. Это были низкие (как правило) звуки, каждый звук продолжительный и отдельный – вне связи с другими, и идущие как будто из глубины Вселенной. На фоне какого-то звука неожиданно звучал какой-то слог, сказанный чревовещателем шопотом. Потом вдруг возникал какой-то скрежещущий звук. Было ощущения погружения в какую-то дикость и тьму. Там же услышала как-то «музыку будущего» – подумала: как хорошо, что я до него не доживу…

А вот у «Орфея» – единственной станции, на которой еще можно было услышать классическую музыку, отняты основные часы ее работы.

Наш знаменитый пианист Николай Петров, ныне уже покойный, говорил: «Попса – это то, из-за чего наша молодая нация может погибнуть». (Культура – это показатель качества нации, ее нравственного здоровья.)

Знаменитую парочку лесбиянок Тату, демонстрирующих всему миру свою «любовь» в соответствующих песнях и плясках, он назвал гомункулусами. А радио нашей либеральной интеллигенции «Эхо Москвы» появление этой позорной парочки, наконец, на экране нашего ТВ назвало первым (а может быть, единственным?) проявлением рождающейся в России демократии…

Недавно на ТВ (март 2006-го) увидела новые «музыкальные» инструменты и создательницу новой музыки. Один инструмент представляет небольшую доску, прошитую, как лепестками или ушами, струнами, по-моему, синтетическими. Он издавал что-то наподобие тихого жужжания. Второй инструмент представлял доску, по которой, как смычком, водили чем-то вроде тонкой палки. Другие изыски не успела рассмотреть. (когда-то Страдивари и Гварнери создавали свои скрипки… Похоже, человечество подвергается обратному развитию…)

Французский дирижер Мишель Пассон (?) в телевизионном интервью, говоря о положении в современной музыке, сказал, что существуют тонны музыкального мусора. Современная музыка производит слишком много шума. Она оглушает молодежь (надо полагать, старшее поколение ее просто не слушает…). После такого шума трудно услышать что-то тонкое, тихое, другое… (Так же, как после слишком «остро» -сюжетных кровавых боевиков трудно воспринимать нормальные человеческие чувства и отношения, и на сцене, и в жизни.)

(Все это на Западе возникло давно. Лет 30 – 40 назад Сергей Образцов в одной из своих блестящих миниатюр высмеял эту водопроводно-бачковую музыку.)

Есть еще мультиперкуссия – музыка на ударных, музыка современности, великая музыка – для настоящих меломанов…

Каждое великое произведение искусства неисчерпаемо, как неисчерпаемо большое искусство вообще. Оно требует совершенствования духовного. Чем богаче духовно человек, тем больше черпает он из искусства, тем глубже и содержательнее для него каждое произведение. Искусство вечно и бесконечно. И чтобы постигать эту бесконечность, ее глубины и вершины, есть бесконечный путь совершенствования и духовного роста.

Но это искусство для избранных. Так было, так есть. Вряд ли этот круг становится шире.

Современное эстрадно-вертепное искусство поверхностное и короткоживущее. Оно не требует совершенствования своего зрителя, не дает ему духовного обогащения. Наоборот, оно его пьянит, будит в нем подсознательное, темное, звериное, заглушает в нем духовное. Зато само оно требует непрерывного совершенствования, наращивания технических возможностей. Насыщение поверхностными эффектами наступает слишком быстро. Нужно непрерывно искать новые. Это погоня бесконечная, изматывающая. Нужны острые ощущения, балдёж.

Однако нельзя отрицать и тот факт, что на Западе, кроме множества концертных залов, есть огромные концертные площади, такие, как Гайд-парк в Лондоне, Центральный парк в Нью-Йорке, Термы Каракаллы в Риме, концертные эстрады в Зальцбурге и т. д.. На них даются исторические концерты, на которые съезжаются состоятельные люди со всего мира. Там собираются десятки тысяч счастливых слушателей.

В России, которая дает миру великих гениальных музыкантов, таких площадок нет. Но у нас нет и таких традиций, нет таких денег. Эта традиция и на Западе появилась, когда там настал век процветания. Россия в это время медленно погибала, сползая в пропасть. У нас и сейчас концертных залов значительно меньше, чем их было в дореволюционной России, сто лет назад.

Благодаря тому, что этажом выше у меня живут молодые парни, я познакомилась с современной музыкой. Это не только ритмы. Ритмы – это основы этой музыки, но они сопровождаются кошмаром звуков, которые не описываются человеческим языком. Это звуки, которые не производят ни люди, ни животные. Уродливые, скрежещущие, режущие, громко шипящие, свистящие, стучащие. Иногда 2 – 3 звука октавы – тогда они повторяются десятки, сотни раэ. Это неописуемо омерзительно.

Наш знаменитый дирижер Юрий Темирканов сказал, что музыка – это иммунная защита, санитарный кордон от измельчения, от падения.

Но если высокая музыка – это санация души, то эта – осквернение души, разрушение психики. Попрание норм морали и нравственности. Напитавшийся такой музыкой субъект готов к совершению любого преступления

Когда слушаешь Баха, Моцарта, Бетховена, скрипку Паганини, читаешь Пушкина, Шекспира, Достоевского, понимаешь, что лучшие свои времена человечество уже прожило. Вспоминаю наших блестящих великих всемирно известных музыкантов прошлого века… Сейчас так много мастеров высокой техники игры среди молодых конкурсантов, но мало глубины и осмысления в исполнении. Хотя, наверное, надо признать, что из всех видов классического искусства музыка сохранилась более других (пока). Однако, это процесс… Он давний, неуклонный, объективный, по-видимому. Но сейчас геометрическая прогрессия упадка пошла на взлет.

Не так давно на даче в стопке прекрасных пластинок, вывезенных туда – не в дачную свалку, а чтобы слушать, нашла Соль-минорную симфонию Моцарта. Старую, но не заигранную. Великолепное исполнение. Дирижер Артуро Тосканини. Пластинка Апрелевского завода. 21.07.71 она была уценена с 70 копеек до 30 копеек (это стоимость 2 яиц 2-й категории в то время). Я получила ее в 80-е годы в качестве нагрузки к какой-то книге (так было!). Великая Симфония, великое исполнение, уценена, стоит копейки – не покупают. А Тайсон, урод и преступник, за 1 бой получает 6 миллионов долларов! Вот оно – лицо человечества…

В прежние времена монархи и аристократы, хоть не выказывали особого уважения к художникам, музыкантам, актерам, но поддерживали их, ибо ценили их творчество. Теперь и аристократов духа почти не осталось. Их глыбы размывает поп-культура…

Что случилось с человечеством? На фоне блестящих успехов в мире технического прогресса такое поразительное опустошение духовной сферы. Человечество переело? Это результат сексуальной революции, или, наоборот, сексуальная революция результат душевного очерствения, духовной нищеты?

Я имею в виду европейскую цивилизацию. Что происходит в Китае или в мусульманском обществе, судить не могу. Хотя можно предположить, что, когда этот мир так же переест материальных благ, с ним случится нечто подобное в восточном варианте. По-видимому, это все заложено в природе вещей. Это логика сущего: духовная смерть человека, крушение цивилизаций, гибель миров, рождение новых…

Возможно, мы превратимся в гомункулусов, какими нам рисуют инопланетян: маленьких, бесполых, безволосых, круглоголовых, человекоподобных полулюдей-полуроботов. Или раньше случится конец Света? Новый потоп? Ядерная война? Ведь какой-то внутренний крах произошел во второй половине 20-го века. И не в России – на Западе.

Или человеческого интеллекта хватит на то, чтобы не дать задуть свечу нашей духовности, сохранить бесценные богатства, пласты человеческой культуры, созданные десятками поколений великих тружеников, «Божественным огнем» гениев?!

Как не допустить, чтобы залетные около-музыканты не становились к дирижерским пультам и не превращали музыку Баха, Бетховена, Моцарта, Чайковского в поп-свистульки, как нынешние режиссеры превращают Шекспира. Пушкина, Чехова в вертеп, богатства человечества – в поп-уродство?! (Написала это раньше, а недавно на канале «Культура» (12.02.13) услышала от нашего всемирно известного дирижера: Владимира Федосеева: «Сейчас музы-

кант даже со средним образованием, если он играет на скрипке, считает себя вправе становиться за пульт и брать дирижерскую палочку. Как правило, это гастролеры. Дал концерт – два и уехал.»)

Удивительно или закономерно, но все находки, все изыски современных «новаторов» от искусства – это всегда уродства, грубость, пошлость? В этих «находках» нет красоты, они противоречат музыке и тексту. Возможно, потому, что истинная красота, совершенство, классика – это всегда ГАРМОНИЯ: языка, музыки, костюма, манеры поведения, и всякое внедрение в эту гармонию разрушительно. Что уж говорить о том, что получается, когда РАЗРУШЕНИЕ является ЦЕЛЬЮ внедрения.

(Оставьте в покое великих: Гомера, Микельанджело, Нотрдам-де Пари, Фонтенбло,

Чайковского, Новгород Великий, – несть им числа, – как память о прошлом, как фундамент сегодняшней культуры. Не разрушайте историю. Без прошлого нет будущего!)

До оперы руки режиссеров-новаторов все-таки уже дотянулись, обезобразив многие шедевры оперного искусства. Спасая великую оперу от их уродующих рук, многие дирижеры дают оперы в концертном исполнении.

В опере, где сохраняли веками не только костюмы и манеры героев, но и язык либретто, чтобы не нарушать музыкальный ее строй (хотя это в определенной степени затрудняет восприятие), теперь «рубят бабло», дерутся, бегают в тренировках, майках, джинсах, позволяют любые непристойности. И все это – под великую музыку…

В Большом театре, в нашем «святая святых», идет «Летучая мышь». – Пьяная Мышь. Пьянка, секс, содом. Там царят временщики: Сорокин, Леонид Десятников, Василий Бархатов…. Опера «Франциск» – «высшее музыкальное достижение»: скрежет по камню, по стакану – соответствующие арии. Торжество уродства, извращений, надругательств, абсурда, мерзости.

Есть Оперный театр Евгения Колобова – «Новая опера». Это, действительно, НОВАЯ опера – новая форма ее исполнения. В ней – благоговейное служение музыке и голосу. Пошлость не допускалась на подмостки этой сцены. Но Евгений Колобов умер. Возможно, его уход ускорило предчувствие прихода иных, кощунственных «новых» форм. И очень скоро после его ухода («…и башмаков еще не износив…») пришла на эту сцену она – иная «новая» опера, слуга агрессивной моды с ее пошлостью, оскорблением высоких идеалов создателя этого театра и его духа, который еще живет в его стенах.

И снова «Летучая мышь» … По-видимому, аппетитный сюжет для современных любителей остренького. (К счастью, в этом театре пока только отдельные всплески всепроникающей пошлости).

(Иногда с горечью и болью смотрю на еще играющих немолодых актеров, любимых, которых знаю много лет, знаю, какие роли и как они играли. Раньше они страдали от фальшивых лозунгов, которые им приходилось произносить на сцене, а сегодня им приходится надевать дурацкие колпаки и делать непристойные жесты, произнося прекрасные тексты или под великую музыку…).

Но зачем уродовать классику? К счастью, существуют мюзиклы – произведения для среднего класса, для тех, кто не пойдет в оперу и даже в драмтеатр. Современное, доступное для всех и вполне доброкачественное искусство.

Похоже, мюзиклы, хэппи-энды, шоу – вся эта индустрия развлечений зародилась не во времена благоденствия, а в трудные, кризисные годы. В 30-е – 40-е годы в Америке, в Германии на сценах и на экранах царили красотки блондинки, поющие и танцующие, и более всего – в мюзиклах.

Мюзиклы во всех отношениях современны. Их можно писать на библейские тексты. тексты классических произведений, на сюжет сексуального скандала Клинтон-Ливински, или обогащения Билла Гейтса – мюзиклы «новаций» не боятся. Это их время. Но мюзикл нужно

СОЗДАВАТЬ: сюжет, текст, музыка, поющие и танцующие актеры, – когда можно просто КРУШИТЬ, курочить классику и почти без проблем получать «вкусненькое»…

Недавно (декабрь 2012 года) в ТВ-передаче одного очень активного и высокопоставленного деятеля культуры спросили, считает ли он нашу публику готовой к восприятию мюзиклов. На что он ответил: «Наша публика готова ко всему. В театр люди идут, чтобы почувствовать себя счастливыми.» А что такое счастье? Какое счастье они хотят найти в театре? Вспомнилась постановка Дмитрия Чернякова оперы «Евгений Онегин» на сцене Большого театра (не без благословения вышеупомянутого лица). Галина Вишневская, наша всемирно известная певица, для которой Большой – это ее школа, дом, храм, увидев эту постановку, сказала, что больше не переступит порог этого театра, что она вообще повесила бы на него большой замок (до лучших времен). И свой юбилей отмечать в Большом отказалась.

(К слову, позавчера, 14 декабря 2012 года отпевали и хоронили Галину Павловну Вишневскую – великую певицу, великую женщину, красавицу, жену и друга гениального музыканта Мстислава Ростроповича. Она пережила его на 5 лет. Это люди России 20-го века, ее гордость, с судьбой счастливой и трагической. Они пережили гонения, изгнание, лишение российского гражданства, всемирную славу и возвращение на Родину. Они похоронены на Новодевичьем кладбище в Москве (слава Богу, что все-таки дома, а не на кладбище Сен-Женевьев де Буа…).

Мне вспоминается один эпизод: в каком-то из 70-х годов я зашла в Нотный магазин при Московской Консерватории (там же продавались и пластинки) и попросила Реквием Моцарта (пластинку). Мне дали. Я посмотрела на состав исполнителей – он мне не понравился. Я спросила, нет ли у них лучшей записи. На меня коротко, но внимательно посмотрели и принесли другую, которая меня вполне удовлетворила. Это была «подпольная» пластинка: на ней был записан голос Г. Вишневской. Так наш режим расправлялся с талантами России: он их не только уничтожал, загонял в лагеря или изгонял из страны, но и запрещал или уничтожал их творения, память о них. А народ – да н все съест. С голодухи. А Саакашвили считал, что и любое пойло выпьет. Но не так уж всеяден и всепокорен народ российский: прорастал сквозь камни, хранил ценности под прилавками, за стеллажами, в сараях, печатал в подвалах, обсуждал на кухнях, – но как сладка была эта запретная пища… А теперь все доступно, но пища не та: уж очень ценности бурдой разбавили…

Культура – пышное древо. Когда начинает гнить его корень, гниет его ствол и все его ветви.

Наша эстрада. Наш юмор. Юмор – спасение в трудные времена. И он был дан нам. Карцев и Ильченко, явление Михаила Жванецкого, Великий Аркадий Райкин и его театр. Его миниатюры пересказывали, его цитировали. Этому великому артисту разрешено было (естественно, все же в определенных рамках) говорить о нашей жизни более, чем кому-либо другому: о наших дефицитах, о бюрократах, о нашем производстве, соцсоревновании, о бытовых проблемах – о многих уродствах нашей жизни. Он делал это остро и с блеском. Это были праздники искусства. Концертов Михаила Жванецкого тоже ждали, как праздников.

Блистательный Жванецкий – великолепное творение Одессы и большевизма. Он не может быть понят нигде. Это плод больной России и ее спасательный круг. Никто не может постичь масштабов и форм беды, трагедии этой страны. Равнодушный не станет углубляться, простодушный – не поверит.

Как же мы живы, чем? – Нашими талантами, нашим специфическим юмором, непостижимым для иных – умением смеяться над собою, над своей бедой.

Это был поток остроумия, смех и слезы. Хохмы Жванецкого и Райкина разбирались на цитаты, они становились частью нашей жизни, ее кислородом.

Были прекрасные передачи «Вокруг смеха», «Кабачок „13 стульев“» – что-то среднее между эстрадой и театром. «Голубые огоньки» по субботам и праздникам, когда вся страна

прилипала к голубым экранам. Всё для всех, без разделения на интеллектуальную элиту и тупую массу, требующую примитивных зрелищ.

Мы очень любили артистов нашей эстрады. Наша эстрада умела говорить и о смешном, и об очень больных вопросах, на запретные темы: смешно, остроумно, округло, осторожно, но понятно – и помогала нам жить.

Сейчас, во время «перестройки», на «свободе», наша эстрада очень быстро ушла куда-то ниже пояса. Ее не хочешь ни видеть, ни слышать, ни помнить.

Россия – страна поющая. Да и невозможно не петь на таких просторах! Главное, может быть, даже не в просторах, а в религии. Россия – страна православная. А в православии обращение к Богу сопровождают не инструментальной музыкой, а пением. Поэтому не только в больших и малых городах, но и в селах – всюду, где были храмы и церкви, были и церковные хоры. Хоры были обязательно и в армейских частях. Если не было хора, был запевала. Даже в Советском Союзе, где церковное пение практически ушло из жизни вместе с религией, было около 38 тысяч хоровых коллективов (ТВ). «Перестроечное» обрушение их почти уничтожило. Сейчас пытаются возрождать. Есть в России песни народные, особая их разновидность – казачья песня. Есть огромное количество русских романсов. Это жанр дворянской усадьбы, интеллигентной семьи дореволюционной России. Была цыганская песня – это, в основном, русский романс, русская лирическая песня на цыганский манер. У нас множество томов этих песен. Есть революционные. Есть песни энтузиастов – строителей социализма: пионерские, комсомольские, спортивные. Есть песни военные, боевые и лирические. Прекрасная послевоенная лирическая песня. Песни 60-х – 70-х: студенческие, авторские, протестные.

Все эти песни ложились на хорошую поэтическую основу; значительная часть писалась на слова великой русской поэзии.

По песням России можно писать ее историю (и даже географию).

Народные песни – широкие, раздольные.

«Ой, ты степь широкая,
Степь раздольная…»

Эта российская ширь, российская мощь – она во всех видах искусства. Эта ширь, это раздолье порождает и голоса особые. Италия дает миру бельканто, великих теноров: человек не может не петь в раю. У России природа иная – суровая, но прекрасная в своей величественной суровости. И голоса в ней рождаются ей под стать: раздольные, низкие. Россия рождает басы. У нас даже баритон такой мощи, что, кажется, не укладывается в пределы своего регистра. Наш Дмитрий Хворостовский, сибиряк, случайно попавший на конкурс, теперь достояние мира. (О великом Шаляпине знают все). Колокола и басы – символы русского православия.

А Лидия Русланова – простая девчонка из Мордовии. Никогда не слышала такой красоты, истинно российской широты и мощи голоса и такого особого исполнения. Когда она, девочка-сирота из приюта, пела в церковном хоре, слушать ее ехали за 100 верст. Когда ее арестовали, люди узнавали о ней и на этапе в Туруханский край несли ей одежду, хлеб, доброе слово (все это было небезопасно). Чтобы это прекратить, ее упрятали в каменный мешок во Владимирской тюрьме. Она дала обет молчания. Петь стала, когда вышла на свободу.

Ей подражали и продолжают пытаться подражать, но ничего не получается. Голос неподражаемый, неповторимый. Ее пластинки звучали всюду. Она пела солдатам на линии фронта, непосредственно перед боями. Когда ее арестовали (за мужа, генерала – вряд ли виновного – по сталинским правилам), все записи ее голоса приказано было уничтожить. Они сохранились только благодаря тому, что сотрудница Радиокомитета, где они хранились, спрятала их за стеллажами… (Большевики относились к талантам по-бандитски: вместе с человеком они уничтожали и плоды его творчества).

Казачьи песни, когда их поет Кубанский народный хор – это великий очистительный праздник. В его песнях – талант народа, его история, его характер, его традиции, его вера.

Песня южного нашего казачества соединила прекрасную украинскую напевную песню и раздольную русскую. Все песни положены на прекрасную стихотворную основу великих русских и украинских поэтов. Руководитель Кубанского казачьего хора Петр Захарченко – личность талантливая, героическая, трагическая, неистовая – истинно российская. Когда поет его хор расправляются плечи, кажется, что вырастают крылья и летишь над огромными просторами родной земли…

В дореволюционной России было распространено хоровое пение. Прежде всего, это было многоцветье обрядовых песен. В деревнях, школах, гимназиях, в армии (в каждом полку) были свои хоры. (Из этих армейских хористов и просто поющих людей был сформирован в эмиграции знаменитый Русский хор Жарова). Революция не могла вырвать это из русской жизни – слишком глубоки былм корни. Осталась песня на околицах, в застольях, самодеятельные школьные, институтские хоры. Великие профессиональные хоры: Хор имени Пятницкого, Хор имени Свешникова, знаменитый армейский Хор имени Александрова, прекрасный Хор Мамина, флотские, ведомственные, детские, любительские – по всей стране, почти профессиональные хоры университетов и академий.

Сейчас в наши новые времена хоровая культура меняется.

Вот вдруг появился ансамбль «Тимоня» (в деревне Тимонино). Кто-то его нечаянно открыл. Это русская раздольная разухабистая песня. Вдохновляет его истинно российская женщина: большая, широкая, с голосом, который мог быть рожден только на российских необъятных просторах. Такая и «коня на скаку остановит» и «в горящую избу войдет». С ней бабоньки такие же, как она, и девочки, молоденькие, красивые, и мужчины, и парни тоже хороши. Они уже с успехом объехали полмира.

А наши бурановские бабушки?! Их открыли, и они стали знамениты. Наверное, на Руси еще много таких, уже открытых и еще не открытых коллективов и талантов. Возможно, необъятная российская «глубинка» сумеет сохранить наши песенные (и не только) бесценные корни.

А вот революционные песни:

«Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
За дело это».

Военные:

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!»

Или «Вьется в тесной печурке огонь», «Темная ночь», «Огонек»…

Вот марш энтузиастов – строителей коммунизма:

«Нам ли стоять на месте,
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.»

А в сталинские времена всякий праздник, вечер, концерт, утренник в школе и в детском саду начинался с песни о Сталине. Обычно ее пел хор. (Так же, как все доклады: производственные, научные, школьные (классные) начинались с перечня его заслуг, а кончались здравицей в его честь.)

Наши лирические:

«Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.»

Это песня 50-х годов. А вот, к примеру, – 90-х:

«Три кусочечка колбаски
Передо мной лежали на столе,
А ты рассказывал мне сказки,
Да только я не верила тебе»…

Это пелось на всю Россию с экранов телевидения.

А сколько было прекрасных поэтов-песенников и композиторов! Песни писались и на слова поэтов прошлого и настоящего, на слова поэтов-песенников, но литературная основа песен всегда была доброкачественная, хорошая, прекрасная, Это были песни на стихи Рождественского, Евтушенко, Исаковского, Долматовского, Дементьева, Добронравова и мн. др..

Песни Блантера, Баснера. Лебедева-Кумача, братьв Покрас, Дунаевского, Айдоницкого, Френкеля, Мокроусова, Фельцмана. Тухманова, Туликова, Птичкина, Крылатова, Мартынова, Таривердиева. Шварца и, конечно, Пахмутовой (!) и мн. др. еще.

А сколько прекрасных песен, музыкальных фильмов, оперетт Дунаевского, мелодии которых звучали всюду. Сколько в них света! – Для спасения он был нам дан или для ослепления и оглупления?

(Немирович-Данченко в 1919 году поставил оперетты «Мадам Анжу» и «Периколу», – он считал (как и другие…), что в тяжелые времена нужна утешительная драматургия. Возможно так считал и Дунаевский и Пырьев (но Пырьев ставил не просто утешительные, а фальшивые фильмы…) А знаменитый артист оперетты Григорий Ярон сказал, что опретта – это не искусство молодых, а искусство быть молодым.)

А старинные русские романсы – их необозримое количество. Их писали все русские композиторы на стихи русских и европейских поэтов.

«Растворил я окно – стало душно невмочь,
Опустился пред ним на колени,
И в окно мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени…»

А цыганские… а знаменитые «Очи черные»…

У нас были всеми любимые Александр Вертинский, Вадим Козин, Петр Лещенко. Их судьбы искалечила революция.

Сейчас Олег Погудин напоминает нам очень талантливо (как все, что он делает) песни Вертинского, а Виктор Соломинцев – песни Вадима Козина. (Россия – страна разрушителей и реставраторов!).

У нас сейчас есть живое явление Елены Камбуровой. Каждая ее песня – это поэма, молитва, драма, призыв с трибуны, плач на могиле, светлый праздник души или тоска вселенская – это всегда событие, удивление и восторг.

Слышу по радио (апрель 2017-го) рассказ о концерте Елены Камбуровой в Хабаровске. Зал был полон, – как говорят, – только на лампах не висели. Был восторг, несмолкаемые аплодисменты, восторженные статьи в газетах. (К сожалению, такие интеллектуальные певцы принадлежат фактически только своей языковой культуре. Великий голос (как и музыкант): Пласидо Доминго, Мария Калас, Лучано Паваротти, Дмитрий Хворостовский – принадлежат миру.) (Сейчас (2015-й) у Елены Камбуровой свой, думаю, великолепный, ни на кого не похожий театр…)

Писала первое, что приходило в голову. У нас тысячи, десятки тысяч песен. (В одной только казачьей станице Чолбасской записано более 1000 песен). Они красивы, они полны мысли и чувства, они легко поются, потому что в них прекрасны и слова, и музыка. Их пели и стар, и млад. И пионеры, и пенсионеры. Их пели соло и дуэтом, за праздничым столом и в походах у костров, на сценах, на вечерах, в горе и в радости. Песни были прекрасные, романтические и печальные, грозные и страшные, как времена, которые их порождали.

А сколько у нас было любимых эстрадных прекрасных певцов (на эстраде пели и оперные певцы): Муслим Магомаев, Юрий Гуляев. Эдуард Хиль, Людмила Зыкина. Ольга Воронец, Валентина Толкунов, Майя Кристалинская, Лев Лещенко, Эдита Пьеха и мн. др.. Теперь так не поют, ни на эстраде, ни вне ее. Теперь у нас другие песни…

А в самом начале «перестройки», когда встрепенулась наша песня всем тем, что было в ней запретного, задавленного, какие прекрасные песни зазвучали в наших концертных залах, на экранах ТВ. Концерты Александра Малинина, прежде всего. 15 сентября 1995 года в Большом Зале Консерватории был незабываемый концерт Дмитрия Хворостовского – тогда только что взошедшей нашей новой звезды, – «Русь отчалившая» на слова Есенина, на музыку Свиридова…

А потом мелодическую песню сменила песня-речитатив, песня – крик, индивидуализированная песня, практически не воспроизводимая, она выражает лишь автора и исполнителя. (Исчезли песни, которые объединяют). Это тоже западное: невоспроизводимая (практически) индивидуальная песня индивидуалистического Запада. Там ее корни, и она там очень неплоха. Сейчас она обычно исполняется с очень хорошим инструментальным оформлением. (Эта песня тоже не всегда была такой: итальянские, испанские, французские, аргентинские, немецкие песни пел весь мир. Во время войны немцы первое время бодро шли по нашей земле с песнями, которые они пели хором.).

Сейчас другие времена, и мы опять же, задрав всё теже протертые штаны, рванули за Западом. И получили…

Эти новые песни исполняются под гром синтетической музыки современных супероркестров. Супер-эффект дополняется усилиями светотехники и сверхвыразительными телодвижениями. И все бы ничего, если бы весь этот треск и блеск не прикрывал удивительную пустоту, убогость самой песни, как таковой. Пустоту мелодическую и смысловую. Мелодию заменил ритм. Что же касается слов, вот некоторые примеры:

«Почему, ну, почему я не могу тебя забыть?» – повторяется одна фраза примерно 25 – 30 раз. Еще:

«Что ж делать, Боже мой,
Я не пойду домой.
Что ж с нами дальше будет,
Милый мой?»

Повторяются эти слова более 20 раз.
Еще песня:

«Ты смотришь на меня, как удав,
Но ты подходишь ближе,
И я вижу, что я у тебя в зубах».

(Февраль 2002-го).

Или вот:

«Я представленья не имела,
Откуда берутся (не то деньги, не то дети)».

Тоже речитатив. (Радио. 10.02.03).

Недостаток вокальных данных восполняется телодвижениями, экстатической тряской, участием помощников, десятка и более, которые сопровождают пение солиста специфическими телодвижениями, подпеванием или подвыкрикиванием.

Но душа песни – разве она только в голосе? Хрипящий Армстронг, хриплый Высоцкий, безголосый Бернес – кумиры огромных залов. Если поет душа – она и хриплым голосом поет прекрасно. Но именно душа отсутствует в этих песнях (как почти во всем новом искусстве). Такое пение и не ставит своей целью пробудить какие-то чувства, Оно должно вызывать балдеж, экстаз толпы. Нормальный человек может от этого свихнуться. Если у таких солистов отнять спецэффекты, нищета их выступлений окажется удручающей.

Иногда пытается молодежь сочинять новые свои песни о ВОВ (вряд ли по велению сердца) – не получается песен, ни слов, ни музыки: странные речитативы под гитарные аккорды. Вообще современная молодежная песня не дружит ни с поэзией, ни с музыкой – скорее с прыжками и ритмами. Те же, старые военные песни, которые писались современниками событий, – прекрасны в большинстве своем. Не нужно их менять. Правда, молодежи они кажутся устаревшими, слишком простыми, мелодичными – под них коллективно прыгать трудно: они обращены не к ногам – к сердцам…

Вот дневниковая запись:

«День Защитника Отечества, 23 февраля 2001 года. Кремль. Дворец Съездов. Президент и Правительство в зале. Большой хороший армейский хор поет какие-то высосанные из пальца песни. Зал вяло аплодирует. Выступают какие-то танцевальные и хоровые коллективы – всё как-то натянуто. Потом зазвучали старые песни, и зал оживился.» (И совсем безрадостная запись от 10.11.02 – День милиции…)

«Вот уже более 10 лет Россия живет без руля и без ветрил. 10 лет шла чужая ужасная Афганская война. Вот уже 6 лет идет своя – чужая война в Чечне. И почти ничего нет: ни песен, ни спектаклей, ни фильмов. Это все чуждое народу, преступное. Песни не пишутся. Песенный жанр вообще перестал существовать. Пришла песня-уродство, подстать нашей жизни. Исчезли чувства, идеи, порывы – потому что никто не знает, куда идет Россия и зачем…»

Наше радио даже во времена «черных тарелок» – это была всенародная школа. Кроме лживых политинформаций и сводок об успехах с колхозных полей, которые в общей сложности занимали относительно небольшую часть времени, на радио шли прекрасные литературные передачи, радиоспектакли, детские передачи, звучали наши прекрасные песни и романсы, арии из опер, инструментальная, а иногда и симфоническая музыка. Сейчас радио пичкает нас непрерывно назойливо тупой безвкусной рекламой и интенсивно лечит.

«…В связи с этим мне вспоминаются слова Адольфа Гитлера о том, что для доминирования над славянским народом нужно в первую очередь разрушить образование и приучить их

получать всю информацию через радио. Этого достаточно, чтобы уничтожить культуру целой нации.» [379].

Образование мы уже разрушили. Но, кроме радио, у нас теперь телевидение. Этого Гитлер не мог предвидеть. Разрушительная мощь ТВ превосходит радио в десятки раз. Кто нас разрушает: Запад или мы сами? Запад помогает умно и расчетливо, но разрушаем, губим себя мы сами, собственными руками, руками нашей псевдоинтеллигенции – наших либералов и вездесущего, всепроникающего продажного чиновничества, всевозможного разбоя, гнилья и предательства. (Не дети начали разврат в школе – этому их обучили взрослые. И не дети потребовали наркотиков. Им их дали взрослые. А защитить детей от наркомании взрослые не могут…)

Современная живопись, искусство вообще, хочет заглянуть внутрь, увидеть изнанку явления. Понять, постичь – не чувством, не душой, а рассудком, очень часто озлобленным, ироничным, желчным. Восторг давно исчез. Лучшее из оставшегося, быть может, боль, пессимизм, хуже – злоба, цинизм, попрание святынь, кощунство, извращения.

Французский художник Фернан Леже говорил: «Ренуар изображал то, что видел. Я изображаю то, что понял.» Наверное, эта мысль отображает очень многое в современном искусстве, возможно, – его суть. Видят каждый свое, но в видении есть зоны пересечений. В понимании пересечений значительно меньше. Отсюда такой тяжеловесный субъективизм, часто доходящий до психопатологии.

«Черный квадрат» Малевича. Малевич считал свой «Черный квадрат» иконой нового пришествия и вешал его в святой угол. Всякий ли видит в нем энергетику черного на белом, которая сводила с ума Кандинского?! А может быть, это загадка Вселенной, смысл жизни. Потемки сознания, блуждания во тьме, сатанинское противостояние свету? – Ответа нет. Но есть ли загадка? Или это Голый Король, но никто не смеет сказать, что он – голый. – А теперь, век спустя, выставляют «Белый квадрат» – просто пустую раму. А почему нет?! – Играй, свободомыслие… (А ведь недавно обнаружено, что под черным квадратом есть другой рисунок. Может быть, Малевич просто в сердцах закрасил черной краской неудавшуюся работу?)…

А в Париже на Эйфелевой башне ставят ёлку «вверх ногами». Символично?1 – Очень хочется «новенького». – Поп-культура – жадное поверхностное восприятие на уровне ощущений. Поэтому скучно, плоско, «голодно»…

А картиной-лауреатом на «художественной» выставке становится «Носок а дыркой на пятке». Автор добавлял к краскам глину, камешки, тряпки, грязную бумагу. А другим лауреатом стала и получила Премию Тёрнера картина, на которой изображен писсуар. Автор этой картины Марсель Дюшан сказал: «Я швырнул им в лицо писсуар, а они приняли за высокое искусство…» А Сальвадор Дали, говорят, когда-то сказал: «Я богат, потому что мир полон кретинов» … – Какой цинизм, какой щелчок по носу тем, кто глубокомысленно впивается, ввинчивается, напрягая весь свой «интеллект» в безобразие этих творений.

Что это? Почему это так высоко ценится? – Ново? Бьет в нос? Оригинальность? Острые ощущения?

Новое искусство – реакция художника на окружающий мир. Раньше искусство старалось представить взлеты человеческого духа и действия, сейчас в центре внимания искусства глубины человеческого падения, извращения его духа и поведения.

Кризис старого живописного искусства начался сто лет назад, когда старыймир начал трещать по всем швам и, может быть, чувствительнее всего в России. Тогда на полотна пришла беспредметная живопись. Футуристы-разрушители активно поддержали разрушителей большевиков. Конструктивизм торжествовал. Но они торжествовали недолго: большевикам не нужны были эти неуправляемые индивидуалисты.

Но, возможно, в те времена художники (и человечество в целом) не ушли так далеко от Бога и его заповедей, как теперь. Тогда это было больше предчувствие, теперь это больше реальность.

В своей недавней лекции о живописи на ТВ (в программе «Академия») Андрей Кончаловский так объяснил, что произошло в искусстве: произведения искусства стали ТОВАРОМ. (И снова – власть денег!). «Знаменитым стало быть некрасиво» (Б. Пастернак). Для художника главным стала – ИЗВЕСТНОСТЬ. Для известности необходимо что-то скандальное, взрывное, разрушительное, противное всему привычному.

Сезан, Ван Гог, Врубель, Коровин – великие, но неизвестные и нищие.

Три века ушло на то, чтобы рынок победил искусство. Малевич был первым, за ним авангард победно вошел в искусство, особенно западное.

Искусство авангарда, выродившееся в рыночное искусство, которое не имеет уже ничего общего с искусством – просто производство скандального товара, который можно выставлять и продавать, не требует чувства, мастерства – оно требует свободы нарушения традиций, норм морали, требует скандальности. Чем скадальнее, тем дороже, тем престижнее.

Шпенглер в «Закате Европы» предсказывал: исчезнет последний глаз, который захочет видеть произведения Рембрандта, исчезнет последнее ухо, которое захочет слышать музыку Моцарта. [380].

Когда Шпенглер писал об этом, казалось, что это невозможно, но, к сожалению, мы ускоренным темпом к этому приближаемся. И самое печальное не в том, что пышным цветом цветет поп-культура и псевдоискусство, а то, что эта плесень неуклонно разъедает культуру истинную.

Беспредметная живопись стремится не воспевать мир, а разложить на элементы его внешнюю красоту и внутреннее безобразие и (может быть?) его понять. Обычно это, по-видимому, не любовь к миру, а интерес к нему, а временами (наверное, чаще) – презрение. А может быть, поиск самого себя, а более всего поиск денег. Авангард – искусство не для людей, а для самовыражения – некое самоудовлетворение.

Но беспредметное искусство начала века – это линиизм, кубизм, конструктивизм, а сейчас, когда цивилизация увеличивает количество зеленых лужаек, скоростных магистралей, великолепных белых лайнеров и т.д., препаративное искусств – это просто морг или свалка обломков, отходов, калек, уродов. Даже не аналитическое, а препаративное…. Начинали с конструкций и цветовых пятен, а пришли к носку с дыркой. (Не удивительно – бывали случаи, когда уборщицы на выставках вместе с мусором выбрасывали экспонаты.)

Воинствующие поп-культуристы выставляют на обозрение унитазы, бидэ, писсуары, предметы интима. Скоро, надо полагать, эти предметы, уж коль скоро они выставляются в музеях, станут именными. Это неизмеримо повысит их значимость, стоимость и денежные сборы в музеях…

А после посещения выставки произведений Сальвадора Дали понимаешь, что искусство от духовной исповеди через монолог, во фраке с накрахмаленным воротничком перешло к воплю нагишом с разверстым чревом и чреслами. (А умствования вокруг унитаза: возможно, унитаз – это философский символ современного глубокомыслия.)

Не удивительно, что поклонники этого искусства надругались над шедевром гения – «Пьетой» Микельанджело – воплощением и символом любви и скорби, милосердия и сострадания, так нужных нам в наш немилосердный жестокий век опустошенных душ.

Но есть и специфические попытки реабилитировать уродство, найти в нем красивое – особый вид искусства «хлам-арт». Это поиск красоты в отходах, хламе, грязи, попытки сделать из этикеток, банок, оберток красивые композиции, поделки, украшения, костюмы, игрушки. Это непротивление уродству, подчинение ему.

А вот еще один вид самоутверждения «свободного» человека – графити. Сначала это воспринималось, как акты вандализма. Теперь спорят, вандализм это или художественное творчество. Многие из деятелей графити стали признанными художниками. Стали они ближе к искусству или искусство снизилось до их уровня? Авангард начинался с бунта. Что это теперь – торжество победы?

(Всегда всякому злу есть противовес. Есть злодей, значит, есть и герой. Есть уродство – значит, есть красота! Пока мы осознаем уродство, как уродство, для нас красота – существует!)

Один молодой мужчина, хорошо образованный, умный сказал мне вполне серьезно, без тени иронии или сожалений, скорее наоборот – с энтузиазмом: да, сейчас нет произведений живописи и архитектуры того типа, который мы почитаем как великие образцы: сейчас другой век, вся эстетическая энергия реализуется в дизайне автомобилей. Можно «поздравить» с этим друг друга. А может быть, задуматься.

Наверное, всякое искусство проходит свой пик. Бах, Моцарт, Бетховен, Микельанджело, Рафаэль, Леонардо, Шекспир, Пушкин и т. д.. Дальше, после пика – под гору… На склонах еще возможны яркие вспышки гения; чем ближе к вершине, тем ярче, но ближе к подножью – серость. Тоска… и тогда на полотнах рисуют цветные пятна, куски металла или части человеческого тела, а в музыке на одной струне передают нам музыку сфер – это не попытки анализа, а просто кризис жанра, опустошение души… До следующего Возрождения? Или погибели?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.